

ГЕРОИ НОВЫЕ СУПЕРГЕРОИ НОВЫЕ

ВЕРВОЛЬФ

Антон
Грановский

ТЕМНЫЙ
ГОРИЗОНТ

*Добро пожаловать
в «светлое» будущее!*

Вервольф

АНТОН ГРАНОВСКИЙ

Темный горизонт

«ЭКСМО»

2011

Грановский А.

Темный горизонт / А. Грановский — «Эксмо»,
2011 — (Вервольф)

Страшные порождения безумной фантазии сотрудников секретного отдела КГБ обернулись не менее страшной явью. В попытке исправить ситуацию создатель Машины Времени профессор Терехов отправляет Егора Волкова в будущее. В 2072 году Егор сталкивается с чудовищным перерождением человечества. Нанороботы, созданные под руководством Анатолия Борисовича Чубарова и внедренные в тела миллионов людей, привели к расколу человечества на несколько рас. Сверхчеловеки эволюиды вступили с обыкновенными людьми в войну. Подарить людям шанс на выживание и вернуть историю человечества в привычную колею может теперь только Егор Волков. Ведь только оборотню-вервольфу по плечу такие задачи!

© Грановский А., 2011

© Эксмо, 2011

Содержание

Глава 1	5
1	5
2	9
3	13
4	17
5	20
6	22
Глава 2	26
1	26
2	29
3	34
4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Антон Грановский

Темный горизонт

Все события и персонажи романа вымышлены, любые совпадения с реальной жизнью случайны.

Мы сделали работу за дьявола.

Р. Оппенгеймер,
разработчик атомной бомбы

Если Бог есть, то он управляет нами из будущего.

Х. Нильсен, физик

Глава 1

Волки

1

Егор обернулся и взглянул на своего ведомого. Из-под лыжной шапочки парня выбивались длинные волосы, и Егор в который уже раз поразился их цвету. Волосы эти были совершенно белые, словно седые, и благодаря им Семенов выглядел намного старше своих лет.

– Устал? – спросил Егор.

Семенов напряженно улыбнулся:

– Немного.

– Ничего, скоро будем на вершине.

До сих пор они поднимались большими шагами, но теперь уклон горы стал круче, и передвигаться дальше стали короткими зигзагами. Спустя еще полчаса Егор остановился, чтобы перевести дух. По правде говоря, он ничуть не устал, но был рад остановке. Она позволяла полюбоваться красотой склона, сверкающей на солнце вершины и предгорья, раскинувшегося далеко внизу и поросшего соснами.

– До сих пор на вершину этой горы лыжники забирались только на вертолете, – сказал Егор ведомому.

– И много их было? – поинтересовался тот.

Егор покачал головой:

– Нет. А те, что были, съезжали только с западного склона. Он безопаснее.

Парень кивнул, явно чувствуя гордость. Они собирались съехать с горы с ее северо-восточного склона.

– Откровенно тебе скажу, приятель, – снова заговорил Егор, – я до сих пор не уверен, что поступаю правильно. У тебя слишком мало опыта.

– Я подписал необходимые бумаги, – возразил ведомый. – Если что-то случится, ответственность ляжет на меня.

Егор несколько секунд внимательно разглядывал парня сквозь стекла солнцезащитных очков, затем качнул головой и сказал:

– Не знаю, не знаю... Ладно, топаем дальше. До вершины еще минут двадцать.

И они продолжили подъем. Егор шагал чуть впереди, Павел Семенов – за ним. Это была далеко не первая вершина в жизни Семенова, на которой он пробовал себя в роли ски-альпи-

ниста. Он уже совершал лыжные восхождения на Эльбрус и Авачинский перевал, но здесь, на этом перевале, все обещало стать гораздо интереснее. До сих пор Семенов съезжал вниз по изведанным и укатанным трассам, а сегодня им предстоял чистой воды «фрирайд» – спуск по целинному снежному склону, которого еще не касалась нога человека.

С инструктором ему, похоже, повезло. Это был молодой, но очень толковый парень. Да и ворчал не так часто, как другие инструкторы, с которыми Семенову приходилось иметь дело.

Егор нагнулся и проверил на своих облегченных горных лыжах крепления, позволяющие отстегивать пятку.

Семенов тоже осмотрел свои странные широкие лыжи. Собственно говоря, это были не совсем лыжи, а две части скейтборда, распиленного пополам. Семенов заказал их в специальной мастерской. Мастера не только распилили скейтборд, но и снабдили каждую половинку поворотными креплениями. В собранном виде «лысины» назывались «сплитбордом», и собрать их вместе можно было всего за одну-две минуты: стоило лишь повернуть крепления и пристегнуть одну к другой распиленные половинки при помощи нехитрых застежек, напоминающих шпингалеты.

На скользящую поверхность лыж Егора и сплитборда Семенова была наклеена специальная лента-кабус с ворсистым кожаном, обеспечивающим сцепление со снежным покровом и дающая возможность подниматься по склону крутизной до сорока пяти градусов.

Инсоляционная корка на поверхности снега хорошо прогрелась солнцем, поэтому идти было хоть и утомительно, но приятно.

Наконец они достигли вершины перевала.

– Уф-ф... – вздохнул Семенов, улыбаясь во весь рот. – Чувствую себя властелином мира!

– Сколько будем отдыхать, «властелин»?

– Минут пять? – неуверенно предложил Семенов.

Инструктор окинул грузную фигуру Павла усталым взглядом и проговорил:

– Не торопись. Мы поднимались пятьдесят минут, и прежде чем лететь вниз, тебе нужно восстановить силы.

– Ладно. – Семенов пожал плечами. – Скажешь, когда будет пора.

Егор посмотрел вниз, улыбнулся и с явным удовольствием произнес:

– Снег сегодня отличный, настоящий пухляк¹. Поедем вниз с ветерком.

– Мне уже не терпится, – отозвался Семенов.

Егор засмеялся.

– Нетерпеливый ты парень.

– Это точно.

– Слушай, а ты и правда писатель?

– Правда, – чуть смутившись, отозвался Семенов. – Выпустил уже три книги.

– В каком жанре работаешь?

– Фантастика.

Егор хмыкнул:

– Сказочник, значит. И как работа – прибыльная?

– Что ты, – возразил Семенов. – В нашей стране прожить на писательские гонорары невозможно. Я работаю лаборантом в одной... э-э... фармакологической фирме.

– И что, лаборантам нынче хорошо платят?

– В нашей фирме – да.

Егор снова посмотрел на раскинувшееся внизу великолепие. На лице его, худошавом, смуглом от горного загара, застыло выражение если и не блаженства, то величайшего удовлетворения.

---

¹ Недавно выпавший и нетронутый мягкий снег, идеальный для спуска (*жарг.*).

– Ну а ты? – осторожно спросил его Семенов.

– Что я?

– Всю жизнь занимаешься спортом, да?

Егор улыбнулся и покачал головой:

– Не совсем. Был период, когда я полтора года почти не выходил из дома.

Семенов присвистнул.

– Полтора года? И что ж ты делал?

– Торчал у компьютера.

– Все полтора года?

Егор кивнул:

– Угу. Я по образованию компьютерщик. Работаю с «железом».

Семенов оглядел высокую, поджарую фигуру своего инструктора и заявил:

– Честно говоря, по тебе не скажешь. И с чего вдруг тебя потянуло в горы?

Егор на секунду задумался, потом пожал плечами:

– Сам не знаю. В прошлом году случайно попал на подмосковную горнолыжную базу и впервые скатился с горы на лыжах. Вернее сказать – упал. Скатился еще несколько раз, и с каждым разом получалось все лучше и лучше. Ну а когда понял, что без гор уже не могу, пошел на курсы инструкторов.

– И теперь водишь в горы таких кретинов, как я.

Егор посмотрел на писателя насмешливым взглядом и заявил:

– Ты еще не самый худший вариант. Ну что, отдохнул?

– Вполне! – с готовностью отозвался Семенов.

– Я поеду первым. Помни: этот склон – по stop zone. Падать и останавливаться нельзя, иначе ледник поглотит тебя.

– Да, я помню, – нетерпеливо кивнул Семенов, глядя вниз на распростирающееся перед ним бескрайнее белое поле, по которому ему предстояло пронестись на доске со скоростью сто пятьдесят километров в час.

– Постоянно держи меня в зоне видимости, потому что я... что?

– Выбираешь безопасный и безостановочный маршрут по леднику.

– Верно, – кивнул инструктор. – И никакой самодеятельности, договорились?

– Договорились. – Градус нетерпения дошел у парня до предела. – Поедем уже, а? – дрогнувшим голосом попросил он.

Егор Волков пристально посмотрел ему в глаза.

– Не нравится мне твой тон, приятель. Прошу тебя: будь умницей и не дури.

– Не буду, – пообещал писатель.

– Ну, с Богом.

Егор надел очки, сжал в руках палки и ринулся вниз. Его фигура стремительно удалялась, скользя по белоснежному полотну, слепящему глаза.

Семенов выждал, сколько нужно, затем тоже надел очки и с радостно бьющимся сердцем рванул с перевала вниз, чтобы целых два с половиной километра мчаться по склону перевала стрелой.

Егор пересекал ледник огромными дугами, стремительно летя вниз по мягкому, никем не укатанному склону. Ветер бил ему в лицо, ощущение бешеной скорости пьянило. Егор не раз думал, что только в такие моменты – на грани наслаждения и опасности – можно почувствовать ценность и полноту жизни. Он отлично понимал любовь к снегу швейцарских горных охотников – первых, кто освоил целинное катание.

Впереди показался бергшрунд². Егор был бы рад взять его с лету, но мысль о ведомом, который съезжал с перевала по проложенной им трассе, заставила Егора сделать вираж и объехать раскол по широкой дуге.

Семенов, мчавшийся за ним, видел, как инструктор аккуратно объехал бергшрунд, и должен был повторить маневр, и уже готов был это сделать, как вдруг в груди у него поднялось чувство, которого Павел и ждал и боялся. «Слабо?!» – словно бы спросил его внутренний голос.

Впереди уже виднелась кромка раскола, сворачивать было поздно. Семенов сосредоточился, достигнув предельной концентрации, а затем на полной скорости взвился с края бергшрунда, перелетел через раскол и приземлился на рыхлый снег.

«Удалось!»

Он понесся по склону дальше, взмывая вверх на кочках-трамплинах и взметая каскады снежных брызг. Только пару секунд спустя он понял, что, пройдя опасный участок напрямик, опередил инструктора и что тот несется у него за спиной.

На мгновение перед его мысленным взором пронеслось лицо Егора Волкова, искаженное яростью, и его рот, изрыгающий проклятья, но менять что-либо было поздно. А потому Семенов решил не забивать себе этим голову и наслаждаться спуском. И вот тут-то самонадеянность сыграла с Павлом дурную шутку. Прежде он катался только по накатанным трассам и никогда еще не съезжал с горы по целинному, «необъезженному», леднику. Семенов даже не понял, что случилось – только что он летел вниз, и вдруг что-то сильно потрянуло его, а затем мир вокруг завертелся волчком, а лицо обжег ледяной снег. Еще доля секунды – и что-то сильно ударило его в плечо, едва не выбив из него дух, и вот он уже не едет, а кубарем летит по склону, и перед глазами у него мелькают лыжи и палки...

---

² Раскол, формирующийся на внешней границе ледника, между его движущимися частями и неподвижной внешней средой – например, скалами.

2

– Эй! Ты живой?

Семенов открыл глаза и посмотрел на лицо инструктора, склонившееся над ним.

– Жи... живой.

– Руки, ноги целы?

– Не знаю.

– Подвигай ими.

Семенов пошевелил ногами. Потом – руками. Тело болело, но руки и ноги были в порядке.

– Встать сможешь? – спросил Егор.

– Да... наверное.

Семенов, морщась и кряхтя, сел на снегу. Посидел так несколько секунд, приходя в себя, а затем поднялся на ноги. Тело подчинялось ему, кости были целы. Семенов облегченно вздохнул и снова повернулся к Егору. Только сейчас он заметил, что инструктор сжимает левой ладонью правое плечо. На мгновение он встретился с Егором взглядом и тут же отвел глаза.

– Ну? – хрипло проговорил Егор. – Может, объяснишь мне?

– Вы насчет бергшрунда? – смущенно пробормотал Семенов.

– Насчет него. Я, как твой наставник, дал тебе четкие указания. Так?

– Так.

– Какого дьявола ты их нарушил?

– Я... слишком поздно его заметил, – соврал Семенов. – Огибать было поздно, вот я и решил напрямик.

– Ты хоть понимаешь, как ты рисковал? У тебя слишком мало опыта для таких фокусов. Если бы ты упал, ты мог бы уже никогда не подняться.

– Но я ведь не упал.

Егор несколько секунд в упор разглядывал ведомого, потом спокойным голосом, от которого по спине Семенова побежали мурашки, произнес:

– Ты подрезал меня на трассе. Слава богу, мы оба целы, но, кажется, я сильно потянул сухожилие.

Семенов готов был провалиться под землю под укоризненным взглядом желтоватых, странно мерцающих глаз инструктора.

– Ладно, – примирительно пробормотал он. – Я сглупил. Но больше этого не повторится. Даю слово.

– Слово... Недорого оно стоит, твое слово... Ладно. – Егор примирительно хлопнул Семенова по плечу. – Собирай вещи, нам пора ехать.

В наушнике у Егора пискнуло, а затем приглушенный и искаженный шорохами голос проговорил:

– Волчок! Волчок, это профессор Терехов!

Егор прижал пальцем кнопку наушника и отозвался:

– Слушаю вас, профессор.

– Меня перенаправили с мобильного. Где ты сейчас?

– Я?... В турпоходе.

– Опять? И не сидится же тебе в Москве.

– Я зверь, а зверю трудно жить в городе. Четыре стены для него – клетка.

– Ну да, ну да. – Голос профессора слегка изменился, словно в душе его поднялось чувство вины. – В общем, Егор, я звоню тебе, чтобы сообщить: Машина готова к запуску!

Егор усмехнулся:

– Не прошло и года. Долго же вы раскачивались, проф.

– Путешествовать в будущее – это совсем не то, что путешествовать в прошлое, мой друг.

После перенастройки исходных данных Машина стала давать сбои. Пришлось внести в схему несколько принципиальных изменений. Но теперь все в порядке.

– Рад это слышать.

– А я рад тебя обрадовать. Когда тебя ждать?

– Через пару дней.

– Хорошо. Как только вернешься в Москву – сразу приезжай ко мне! Мне есть чем тебя удивить!

Связь отключилась. Егор повернулся к Семенову и с напускной строгостью проговорил:

– Ну? До ночи тут будешь стоять? Хватай свою доску и поехали вниз. Только на этот раз без лихачеств.

Спустились без эксцессов. Егор немного передохнул, потом глянул на раскрасневшегося Семенова и распорядился:

– Иди в машину, Павел.

Семенов, всем своим видом выражая покорность и чувство вины, закинул рюкзаки на заднее сиденье «жигуленка», после чего забрался сам, усевшись в кресло рядом с водительским. Егор сел за руль и захлопнул за собой дверцу. Поморщился от боли в руке.

– Егор, может, лучше я поведу? – робко предложил Семенов.

Егор покосился на него и спросил:

– Сколько лет за рулем?

– Два месяца, – ответил Семенов, смутившись.

– И с какого раза сдал на права?

– С третьего, – совсем заливаясь краской, отозвался ведомый.

Егор отвернулся, завел мотор и тронул «жигуленок» с места.

Они долго ехали молча. Семенов молчал от стыда, а Егор предпочитал не отвлекаться от дороги, поскольку вел машину практически одной рукой.

Наконец Семенов не выдержал, кашлянул в кулак и сказал:

– Друг, я...

Всего на мгновение Егор отвел от дороги взгляд, и это мгновение оказалось роковым. Он успел заметить краем глаза, как шелохнулись кусты и на дорогу метнулась большая тень. Егор рванул руль влево, чтобы избежать столкновения со зверем, заднеприводный «жигуленок» занесло и завертело на скользкой дороге. Егор крутанул руль в сторону заноса, стараясь выровнять машину, но в какой-то момент покалеченная рука подвела – он не справился с управлением, и «жигуленок» швырнуло на деревья, росшие у самой обочины.

Последнее, что увидел Егор перед столкновением, это стремительно приближающийся ствол сосны, а потом его дернуло вперед, раздался оглушительный скрежет, и реальность перед глазами распалась на сотни стеклянных осколков.

Очнулся он почти сразу же. Открыл глаза и сел на снегу. Ствол сосны переломился от удара, и ее крона навалилась на соседние деревья. Капот «жигуленка» был смят, стекла разбиты. Семенов лежал неподалеку от машины, и снег вокруг него был забрызган кровью.

Егор, преодолевая боль в руке, поднялся на ноги и быстро подошел к ведомому. Присел рядом и прижал пальцы к его шее. Жилка на шее Семенова размеренно вздрагивала, отбивая пульс. Егор убрал руку, осторожно стянул с Павла лыжную шапочку и тщательно осмотрел голову. Насколько Егор мог судить, черепные кости целы, но кожа в нескольких местах была рассечена, и порезы сильно кровоточили.

На первый взгляд пустяки, но когда Егор тщательно осмотрел тело Семенова, поводов для беспокойства появилось больше. Пальцы на правой руке Семенова были переломаны, а из

левой икроножной мышцы торчал кусок ветки, и кровь из раны сочилась на снег, образовав под ногой лужицу.

Егор выпрямился и обвел взглядом местность. Сосны стояли друг к другу плотно, но у самой дороги они уступали место облепиховым зарослям, усыпанным желто-оранжевыми ягодами. Кое-где красными пятнами на белом снегу были нарисованы кусты барбариса. Поодаль из-под снега выбивалась зелень молодого можжевельника.

Егор сходил к машине, взял аптечку и вернулся к Семенову. Действуя умело и решительно, он распорол перочинным ножом штанину парня, залил рану перекисью, затем перетянул ногу жгутом, крепко обхватил пальцами конец палки, торчащий у Семенова из ноги, и одним быстрым движением вырвал палку из рассеченной мышцы.

Палка не задела артерию, и крови вытекло относительно немного. Егор стянул края раны медицинскими скобами и крепко перевязал ногу бинтом. Потом занялся сломанными пальцами парня. После того, как все повязки были наложены, он взгляделся в бледное лицо ведомого и позвал:

– Семенов? Ты слышишь меня?

Павел по-прежнему был без сознания. Решив на время оставить парня в покое, Егор занялся проверкой техники. Машину завести не удалось, да он на это особо и не рассчитывал. А вот то, что рация молчала, было чрезвычайно скверно. Егор вскрыл раскуроченный корпус рации и осмотрел разбитую начинку. Восстановлению она не подлежала.

– Черт! – с досадой проговорил Егор.

Он огляделся. Места вокруг глухие, и рассчитывать на помощь туристов не приходилось. Разве что охотник какой появится, но и на это особой надежды не было.

И тут Егор почувствовал спиной чьи-то взгляды, а потом учуял посторонний запах. Стараясь не делать резких движений, он медленно обернулся. Возле можжевельникового кустарника стояли три рослых, поджарых волка. Три пары желтых, голодных глаз были устремлены на двух людей, один из которых истекал кровью.

Егор выпрямился в полный рост и встал перед голодными волками. Волки предгорья были крупные, с широкими грудными клетками и толстыми лапами, не чета степным недомеркам. Их желтоватые зубы с легкостью перекусывали шею маралу.

– Тихо, – проговорил Егор негромким, но уверенным голосом. – Я вас не трогаю. И вы меня не трогайте. Проходите мимо. Так будет лучше для всех.

Волки выслушали его внимательно, будто и впрямь пытались понять смысл его слов. Потом самый рослый волк, бывший, по всей вероятности, вожаком, угрожающе зарычал. Остальные волки его поддержали, шерсть на их серых холках встала дыбом, а в глазах зажегся желтоватый кровожадный огонек, ясно дающий понять, что уходить отсюда без добычи они не собираются.

– Значит, вы так? – Зрачки Егора сузились, на щеках отвердели желваки. – Думаете, я вас испугался?

Егор шагнул навстречу хищникам. Из глотки вожака донесся рык. Верхняя губа Егора приподнялась, обнажив крепкие зубы, и он тоже зарычал, но на более низких тонах. Он сделал еще один шаг по направлению к волкам. В желтых глазах вожака стаи появилось сомнение. Поведение человека явно сбilo зверя с толку.

Егор почувствовал, как гнев душной волной поднимается у него внутри и как ярость меняет его. Мышцы его вздулись буграми, кости и суставы затрещали.

Усилием воли он заставил себя успокоиться и загнал зверя, живущего у него в душе, обратно в клетку. Однако пары секунд, пока это длилось, хватило, чтобы внести смятение в сердца волков. Вожак перестал рычать, поднял голову и понюхал воздух. Станный запах, не похожий ни на человеческий, ни на звериный, оказал на волка ошеломляющее действие. Он

тряхнул головой, как бы прогоняя наваждение, а затем тонко заскулил, развернулся и побежал прочь.

Два других волка, испуганно косясь на странного человека и поджав хвосты, последовали примеру вожака. Вскоре все три хищника скрылись в лесу.

Егор облегченно вздохнул и вытер рукой потный лоб. Однако на этом испытания не закончились. Стоило волкам уйти, как ветки сосен опять шевельнулись, и к дороге, беззвучно ступая по снегу огромными лапами, вышел новый зверь.

Егор, испуганно расширив глаза, попятился. Перед ним, широко расставив лапы и уставившись на него маленькими бездушными глазами, стоял громадный бурый медведь. Зверь был рослый, матерый, изголодавшийся во время зимней спячки и готовый всадить клыки в любое живое существо, попавшееся у него на пути.

– Да чтоб вас! – тихо выругался Егор.

«Это все кровь, – с досадой подумал он. – Скоро сюда потянутся изголодавшиеся хищники со всех концов леса».

Он быстро оглядел дорогу и увидел дробовик «Ремингтон-М870», лежащий рядом с порванным рюкзаком, из которого вывалились лыжные ботинки.

«Дьявол! Как я мог забыть про ружье?»

До оружия было не меньше трех метров. Егор помнил, как заряжал «ремингтон». В магазине четыре патрона 12-го калибра. Серьезная штука. Если, конечно, успеть ею воспользоваться.

Он облизнул пересохшие губы и сделал движение по направлению к ружью. Медведь громко зарычал. Егор замер, парализованный этим рыком. Секунду он стоял неподвижно, а затем быстро стянул куртку и швырнул ее медведю. Отвлекающий маневр подействовал, медведь бросился на куртку, а Егор, воспользовавшись заминкой, прыгнул к ружью.

Приземлившись рядом с рюкзаком, Егор перекувыркнулся, подхватил на ходу дробовик, развернулся и выстрелил в широкую грудь атакующего медведя. Затем быстро откатился в сторону.

Кровь брызнула Егору на лицо, а огромная туша зверя обрушилась на землю в полуметре от него. Егор вскочил на ноги. Медведь развернулся и, истекая кровью, снова бросился на него.

Егор снова увернулся и дважды нажал на спуск. Оба заряда попали медведю в голову, однако тот с невероятной скоростью налетел на Егора, подмял его под себя и взмахнул лапой, намереваясь раздробить своей жертве голову.

И тут случилось нечто такое, чего зверь никак не мог предвидеть. Человек уперся ему в грудь ногами и рывком приподнял его четырехсоткилограммовую тушу над собой, а затем вскинул левую руку, которая непонятным образом превратилась в звериную лапу с торчащими когтями, и с размаху всадил когти в косматую шею зверя. В горле у медведя булькнуло, тело дернулось, а затем обмякло.

Егор кое-как выполз из-под медвежьей туши и, тяжело дыша, поднялся на ноги. Прикрыл веки и медленно досчитал до десяти, выравнивая дыхание, после чего мысленно приказал себе: «Успокойся. Все в порядке. Нет причин для гнева».

Когда Егор снова открыл глаза и опасно посмотрел на свои руки, из горла его вырвался вздох облегчения. Это были руки человека.

Медведь был еще жив. Он лежал на примятом снегу, тяжело и хрипло дыша и косясь на Егора выпученным, полным боли и ярости глазом. Егор зачерпнул пригоршнями снег и вытер разгоряченное, забрызганное кровью лицо. Потом поднял с земли дробовик, подошел к медведю и двумя выстрелами в голову добил его.

– Егор... – послышался сдавленный голос.

Он обернулся. Семенов сидел на снегу и испуганно смотрел на него.

3

– Что это... было? – хрипло пробормотал Павел.

– Как ты себя чувствуешь?

– Плохо.

– У тебя сломаны пальцы и распорота нога. Но в остальном все в порядке.

Семенов, казалось, пропустил информацию о своих травмах и ранах мимо ушей. Он во все глаза смотрел на Егора.

– Я все видел, – сказал он вдруг. – Видел, как ты его... Как ты это сделал?

Егор несколько секунд колебался, решая, как поступить – рассказать парню правду или придумать какую-нибудь правдоподобную историю. Но ничего «правдоподобного» в голову ему не пришло. Да и что тут придумаешь?

Он тяжело вздохнул и сказал:

– Один старик-изобретатель отправил меня в прошлое. Там меня укусил волк-оборотень. Когда я вернулся, оказалось, что я и сам стал оборотнем. Вот и вся история.

Семенов с досадой пробормотал:

– Я понимаю, что виноват. Но зачем же так-то?

Егор непонимающе посмотрел на парня и неуверенно проговорил:

– Ты ведь вроде сам хотел знать.

– Ты уложил медведя выстрелом в упор. И ты был совершенно спокоен. Я хотел знать, как ты сумел подобраться к нему так близко?

– И это все, что ты хотел знать?

– Бог мой, что же еще!

Егор помолчал немного, потом сказал:

– Ты видел, как я добивал медведя. Он был уже ранен.

– Но...

Семенов вдруг скривился от боли. Он посмотрел на свою перебинтованную кисть и побелел как полотно. Казалось, он только что вспомнил о своих травмах.

– Егор... Помоги мне встать.

Поднявшись на ноги, Семенов покачнулся и, если бы Егор не держал его, непременно бы упал.

– Кажется, я не смогу идти сам, – произнес он виновато.

– Вижу, – сказал Егор. – Я сделаю волокуши. До поселка километров двадцать. Как-нибудь доберемся.

Весенний день, сиявший с утра веселым солнцем, начал хмуриться. С запада напоззли тучи и погасили светлую голубизну неба. Едва Волков соорудил из оторванной дверцы машины и сосновых веток сани-волокуши и усадил на них Семенова, как крупными хлопьями повалил снег.

* * *

Воздух медленно темнел, надвигались сумерки. Дорога взбежала на крутой холм, поросший густыми зарослями колючего шиповника. Когда Егор затащил Семенова на гребень, перед ними открылась обширная долина. Здесь решили немного передохнуть.

Однако едва Егор присел на черную, покрытую пятнами снега колоду, как в отдалении послышался волчий вой. Семенов встрепенулся, долго вслушивался в страшные звуки леса, затем посмотрел на Егора и спросил севшим от страха и волнения голосом:

– Они идут за нами?

– Похоже на то, – сказал Егор.

– Я слышал, что волки не нападают на людей, если тех двое и больше. И что они нападают только на одиночек.

– Они чуют кровь. И они будут идти за нами до самого поселка.

Егор говорил спокойно, но от его слов кровь застыла у Семенова в жилах сильнее, чем от волчьего воя.

– Ты думаешь, они нападут? – тихо спросил он.

Егор вспомнил пылающие злобой глаза вожака стаи и нахмурился. Кажется, старый, матерый волк, не проигрывавший никому и никогда, решил взять реванш.

– Егор? – дрогнувшим голосом окликнул его Семенов.

– Они очень голодны, – сказал Егор. – Старик Шавлат, у которого мы остановились, говорил, что в последние годы хищников расплодилось слишком много. А еды – мало.

И снова послышался волчий вой, на этот раз он прозвучал гораздо ближе. К нему присоединилось еще несколько волчьих голосов.

– О, господи, – тихо пробормотал Семенов. – Их там не меньше полудюжины.

– Похоже, стая собралась в полном составе, – подтвердил Егор, вслушавшись в протяжный, многоголосый вой. – Если они решатся напасть, нам несдобровать.

– Что же нам делать?

– Идти.

Егор поднялся на ноги и снова впрягся в волокуши.

Они прошли еще несколько километров. Солнце давно опустилось за лес, и над грядой заснеженных деревьев догорали последние отблески заката.

– Скоро стемнеет, – сказал Егор, остановившись и оглядев лес. – До поселка еще километров восемь. Выдержишь?

– Не знаю. Я ногу совсем не чувствую. И руку. Мне бы согреться.

Егор обдумал его слова и предложил:

– Мы разожжем костер. Погреешься минут двадцать, потом двинемся дальше.

Благодаря бутылке с бензином, которую прихватил с собой Егор, костерок удалось развести довольно быстро. Егор притянул волокуши, на которых возлежал Семенов, поближе к костру, следя, однако, за тем, чтобы сосновые ветки не прихватило огнем. Семенов выглядел смертельно уставшим, поход измотал его сильнее, чем Егора. Несколько минут они молча грелись у костра, потом Семенов заговорил:

– Слышь, Егор?

– Чего?

– Расскажи еще.

– О чем?

– О том, как ты путешествовал в прошлое и превратился в оборотня.

Егор посмотрел на парня удивленным взглядом.

– Издеваешься?

Тот покачал головой:

– Нет. Правда хочу послушать.

– Зачем тебе?

Семенов улыбнулся бледными губами.

– Я же писатель. Или ты забыл?

– Это глупая сказка.

– А мне понравилась. Хороший сюжет для фантастического романа. Только непонятно, с какой целью старик-изобретатель отправил тебя в прошлое?

Егор вытянул над костром руки и пояснил:

– Брат старика-изобретателя был физиком-экспериментатором. Во время одного из экспериментов он исчез.

– Как так исчез? – не понял Семенов.

Егор пожал плечами:

– Да так. Был – и нет его. Испарился, будто кусок льда на сковородке.

Семенов поежился.

– А разве человек может испариться?

– Может. Если он попал в другое измерение.

Павел, наморщив лоб, обдумал его слова, потом спросил:

– Что было дальше?

– Физик исчез. А вместе с ним исчезло несколько предметов. Но, в отличие от него, они не попали в другое измерение, а остались в нашем мире. Гравитационный вихрь разбросал их по разным эпохам.

Егор взял палку и поворошил угли. Потом продолжил рассказ:

– Много лет старик-изобретатель пытался вернуть брата, и в конце концов догадался, как это сделать. Он понял, что для начала необходимо восстановить иссеченную ткань времени. Проще говоря – надо собрать в одном месте все эти предметы.

– Выходит, он посылал тебя в прошлое за одним из этих предметов?

Егор кивнул:

– Да.

– И что это был за предмет?

– Курительная трубка.

– И ты принес ее?

– Принес. Только теперь это не совсем трубка. Пройдя сквозь время, любой предмет приобретает новые качества.

– И какие новые качества появились у курительной трубки?

– Она закольцовывает поток фотонов и заставляет его вращаться. Не спрашивай, что это такое, потому что я сам толком не понимаю.

– Да, звучит непонятно, – согласился Семенов. – И сколько таких вещей нужно собрать?

– Не знаю. Профессор держит список в секрете.

– А сколько уже собрано?

– Две.

– Трубка и...

– И еще одна вещь. Старомодные очки, сквозь которые видна истинная природа людей.

Семенов вздохнул.

– Хороший сюжет для романа. А на каком принципе основана работа Машины времени?

– Принцип прост. Тело человека помещают в ванну, наполненную какой-то маслянистой дрянью, а к голове его крепят датчики. Как только Машина начинает работать, сознание человека, лежащего в ванне, перемещается в прошлое.

– Погоди... Значит, по времени путешествует не сам человек, а его сознание?

– Да.

Семенов задумался.

– Гм... Хороший способ. Но в чем теле закрепляется это сознание?

– В теле носителя.

– Носителем может быть любой человек?

Егор покачал головой:

– Нет. Только предок или потомок путешественника. Сознание путешественника может скользить вверх и вниз по шкале генетической памяти.

– Забавно. – Семенов улыбнулся. – И кем был твой предок, в тело которого ты вселился?

Егор хмыкнул.

– Он был кузнецом. *Хорошим* кузнецом.

– В самом деле, отличный сюжет, – одобрил Семенов. – Возможно, я его когда-нибудь использую. Конечно, если мы выберемся отсюда.

Егор подбросил в костер несколько веток и плеснул немного бензина. Огонь запылал с новой силой. С полминуты оба молчали, глядя на пляшущие языки пламени. Потом Семенов сказал:

– Дурацкая у нас ситуация.

– Да, не простая, – согласился Егор.

– Это все из-за того, что ты не пустил меня за руль.

Егор посмотрел на Семенова долгим, пристальным взглядом, после чего спросил:

– Ты правда так думаешь?

– Ты повредил руку, потому и не справился с управлением. Если бы за рулем сидел я, этого бы не случилось.

Желваки на скулах Егора отвердели, он открыл рот для ответа, но тут из леса донесся протяжный многоголосый вой. Семенов побледнел и хрипло выпалил:

– Они совсем рядом!

– Они знают, что поселок близко, – объяснил Егор, помолчав. – Добыча уходит, и это их злит.

– Они на нас нападут?

Пару секунд Егор молчал, а потом выложил правду:

– Теперь я в этом не сомневаюсь. Мы кажемся им слишком аппетитными.

Семенова передернуло.

– Какая гадость, – выдохнул он.

Егор посмотрел на парня, усмехнулся и сказал:

– На их взгляд – нет.

Внезапно светлые глаза Семенова вспыхнули.

– Но у нас есть ружье! – взволнованно напомнил он. – Мы можем их перестрелять!

– В магазине остался всего один патрон. И больше у нас нет.

Новость эта окончательно выбила Семенова из колеи. Губы его побелели, а голос задрожал:

– И что же нам делать, если они все-таки нападут?

Егор помолчал, обдумывая ситуацию, потом взял «ремингтон» и положил его парню на колени.

– Держи. Пользоваться, я думаю, умеешь.

Семенов посмотрел на дробовик, затем перевел недоуменный взгляд на Егора.

– Что ты задумал?

– Пойду прогуляюсь.

Егор поднялся на ноги.

– Что? – недоуменно проговорил Семенов. – Зачем?

– Ни о чем не волнуйся, – последовал спокойный ответ. – Если увидишь волка – стреляй.

Лицо парня вдруг помрачнело.

– Ты решил меня бросить? – выпалил он, глядя на Егора ненавидящими глазами.

Егор удивленно посмотрел на него, потом усмехнулся и качнул головой:

– Дурак ты, Семенов. Причем врожденный. Ногу тебе, конечно, вылечат, а вот мозги вправить, боюсь, уже не смогут. Не забывай подбрасывать ветки в костер.

Егор повернулся к лесу, шагнул к черным деревьям и растворился в лесном сумраке.

Семенов остался один.

4

Егор быстро сбросил с себя одежду, оставшись в одних трусах. Поколебавшись пару секунд, снял и трусы. Оставшись полностью голым, он зябко передернул плечами и проворчал:

– Ненавижу это делать.

Затем быстро огляделся, опустился на четвереньки и сосредоточился на ярости, поднимающейся со дна его души.

«Значит, это я во всем виноват? Ну-ну. Сволочь ты, Семенов».

Егор сосредоточился на своей злости и обиде, позволил им захватить себя. И вскоре он начал превращаться. Прошло около минуты. Волк-оборотень, рослый, мускулистый, поросший короткой серой шерстью, поднял морду и втянул ноздрями воздух. Затем тряхнул головой и побежал по снегу в лес.

Волчью стаю он нашел быстро. Вернее – они сами его нашли. Вожак выступал впереди, а за ним рысили по снегу еще шесть волков. Завидев вервольфа, они остановились и устремили на него взгляды.

Оборотень тоже остановился. Несколько секунд хищники стояли неподвижно, внюхиваясь, всматриваясь и оценивая. Вервольф был раза в полтора крупнее волков, однако их было семеро, а он один. Кроме того, они были голодны, страшно голодны, и запах свежей крови, который они чуяли уже пару часов подряд, сводил их с ума и заставлял забыть про осторожность.

В конце концов, игра в «гляделки» кончилась, и, грозно зарывчав, волки стали окружать вервольфа...

Семенов сидел у костра с «ремингтоном» в руках и напряженно вслушивался в лесную тьму. Несколько раз ему казалось, что он слышит какие-то странные звуки – не то вой, не то рев, но звуки эти смолкали раньше, чем Павлу удавалось определить направление, откуда они доносятся. В такие секунды он сжимал дробовик так крепко, что у него белели костяшки пальцев, а на лбу, несмотря на холод, выступали капли пота.

С минуту было тихо, а затем он снова услышал отдаленные звуки, похожие на рычание и визг. На этот раз Семенову удалось определить направление, он поднял дробовик и прицелился в темноту.

– Давайте! – сорвавшимся на визг голосом крикнул он. – Ну же! Где вы?

Прошла еще пара минут, и никаких странных звуков за это время Семенов не услышал. Он облегченно вздохнул, но тут где-то совсем рядом скрипнул валежник. Семенов быстро повернулся на звук. На мгновение ему показалось, что из тьмы вынырнула жуткая звериная морда со светящимися желтоватыми глазами. Семенов похолодел от ужаса и нажал на спуск. Гроыхнул выстрел, и дробь, веером пройдя по кустам, срезала вершины веток. Звериная морда отпрянула во мрак, а вслед за тем знакомый голос громко окликнул:

– Паша, это я! Утомонись!

– Егор?

– Да!

Семенов, продолжая держать тьму на прицеле, облизнул пересохшие губы и крикнул:

– Ты один?

– Да, дьявол тебя подери! А с кем я, по-твоему, должен быть? Опустим ствол!

– Хорошо! Выходи!

Егор вышел из лесного сумрака, и свет костра упал ему на лицо. Семенов положил «ремингтон» на колени.

– Я кое-что видел, – сказал он.

– Ты о чем?

– Мне показалось, что я вижу волка.

– Правда? – Егор усмехнулся. – Прости. Надо было тебя сперва окликнуть, а потом уже выходить.

Он шагнул было к костру, но Семенов вдруг поднял ружье и, нацелив его у грудь Егору, быстро проговорил:

– Не подходи!

Егор остановился и сдвинул брови.

– Да что с тобой?

– Стой на месте, если не хочешь, чтобы я выстрелил!

Желтоватые глаза Егора сузились. Несколько секунд он стоял неподвижно, а потом тенью скользнул во мрак. Это произошло так быстро, что Семенов не успел ничего понять.

Ружье дрогнуло в руках парня, однако на спусковой крючок он не нажал. Вместо этого взгляделся во тьму напряженным взглядом и хрипло окликнул:

– Егор?

Лес молчал.

– Егор, где ты?

Ответа не последовало. А потом чья-то сильная рука вырвала ружье из пальцев Павла, а на рот ему легла теплая ладонь.

– Тише, Семенов, – раздался усталый голос Егора, прозвучавший из-за спины ведомого. – Тише. Я не причиню тебе вреда. Но я боюсь, как бы ты сам себе не навредил.

Семенов примирительно поднял руки.

– Если я тебя отпущу, ты не будешь валять дурака? – спросил Егор.

Семенов помотал головой.

– Хорошо. – Егор убрал ладонь с губ Семенова, и тот с хрипом вдохнул воздух полной грудью.

Егор вошел в круг света, отбрасываемого костром.

– Где волки? – спросил у него Семенов.

– Их больше нет.

– Ты их убил?

– Да.

– Голыми руками?

– Я умею справляться с хищниками.

– Это я уже понял. Но что там произошло? Я слышал какие-то странные звуки. Словно грызлась свора собак.

Егор вздохнул и закинул «ремингтон» на плечо.

– Думаю, ты уже отдохнул, – сказал он. – Я укреплю волокуши, и двинемся дальше.

* * *

Последующие полтора часа прошли для Павла Семенова словно в забытьи. Усталость и боль взяли свое и затуманили его разум. Когда он наконец очнулся, то обнаружил себя в тепло натопленной комнате. Он лежал на кровати, а рядом сидел пожилой врач в белом халате.

– Доктор... – пробормотал Семенов и попытался подняться.

– Лежи, лежи, – сказал ему врач и поправил одеяло. – Скоро за тобой прилетит вертолет.

Но известие о вертолете не произвело на Павла большого впечатления. Похоже, он был озабочен другим.

– Парень, который привез меня в поселок... – Семенов сделал паузу и облизнул пересохшие губы. – Где он?

– Улетел в Москву, – ответил доктор. – У него какое-то срочное дело.

Семенов опустил голову на подушку. Врач снова поправил одеяло и задумчиво произнес:

– Он спас вам жизнь. Хороший человек.

– Не уверен, – хмуро отозвался Семенов.

– Не уверены в том, что хороший?

«Не уверен в том, что он человек», – чуть не сказал Семенов, но промолчал. Кому хочется, чтобы его считали сумасшедшим? Павлу Семенову определенно не хотелось.

Однако в голове у его появились кое-какие мысли, и мысли эти очень не понравились бы Егору Волкову.

5

Поговорив с Егором, профессор Терехов отключил связь и положил телефон на стол. Несколько минут он сидел, откинувшись в кресле, размышляя и потягивая красное вино, без которого не мог обойтись ни дня, а потом слегка задремал. И в этом странном состоянии, на грани бодрствования и сна, его снова, как это довольно часто бывало, посетило ощущение присутствия чего-то чуждого. Чего-то такого, что человеку не следует видеть.

Сперва пришел легкий шум, похожий на шорохи радиопомех, затем этот шум усилился, и у Бориса Алексеевича возникло чувство, будто он стоит у обочины дороги. Перед лицом у него проносятся автомобили, а за спиной, по тротуару, движутся потоки людей, и он слышит их голоса, но слов не различить, и голоса эти сливаются в шум, похожий на журчание воды.

Он вспомнил слова пропавшего брата.

– Ты знаешь, старик, – говорил ему Александр с величайшим волнением, – иногда, когда я еду в метро, я начинаю дремать, и тогда у меня возникает странное чувство. Я слышу шум поезда, голоса людей, чувствую, как входят они в вагон и как из него выходят. Более того – я словно бы вижу их всех сквозь прикрытые веки. Усталую женщину, сидящую напротив... Мужчину, стоящего возле схемы метро, с дипломатом в руке и тубусом под мышкой... Всех других. А потом я выхожу из дремы, открываю глаза – и вижу совершенно не то, что ожидал! Я не вижу ни той женщины, ни того мужчины... Вагон предстает совершенно другим, и наполнен он другими людьми.

– И как ты это объясняешь?

– Знаешь, братец... Я думаю, что в эти моменты я вижу иную реальность, которая чрезвычайно похожа на нашу. Но она *другая*. В ней тоже есть города, дома, вагоны метро... И порою, случайно, непредумышленно, невзначай, нам удается увидеть ее.

– Во время дремы? Сквозь полуприкрытые веки?

– Да хоть бы и так! Что, если таких миров, как наш, десятки? Или даже сотни и тысячи! Некоторые похожи на наш, другие – не очень.

– Только не вздумай говорить об этом на ученом совете. Ты уже получал взыскания за свои дикие фантазии, а за такое тебя могут запросто вышибить из проекта.

– Знаю, что могут. Ну а сам ты?

– Что?

– Как ты относишься к моему предположению?

– Теория о параллельных мирах кажется мне интересной. Но несерьезной.

– Как «кот Шредингера»?³ – лукаво улыбнувшись, уточнил Александр.

– Как «кот Шредингера», – кивнул Борис. И тоже улыбнулся.

– Одно скажу тебе определенно, Боря, – снова заговорил брат. – Если я когда-нибудь попаду в параллельный мир, я найду способ связаться оттуда с тобой. Это я тебе клятвенно обещаю!

С тех пор они больше не говорили ни о чем подобном – до тех пор, пока Александр не возглавил исследования, организованные четвертым отделом КГБ, и пока странные фантазии брата не стали оборачиваться страшной явью.

...Профессор Терехов тряхнул головой, прогоняя дрему, отхлебнул вина и чуть прищурил дряблые, морщинистые веки. Ему вспомнился еще один эпизод, связанный с братом. Произошел он минут за двадцать до начала рокового эксперимента. Майор Варлей, чертов сукин сын, курировавший исследования со стороны КГБ, подошел к Александру и протянул ему наручные часы с металлическим браслетом.

---

³ **Кот Шредингера** – герой знаменитого мысленного эксперимента нобелевского лауреата по физике Эрвина Шредингера.

– Держите, товарищ Терехов. Так сказать, владейте и пользуйтесь.

– Подарок? – удивился Александр. – В честь чего это?

– В ознаменование начала эксперимента. Мы с вами долго к этому шли, товарищ Терехов.

– Это верно, – согласился Александр. – Спасибо за часы.

– Не просто часы, а «Командирские», – с улыбкой уточнил майор Варлей. – Это вам не какие-нибудь «Ролексы» или «Патеки Филиппы». Последняя модель! Противоударные, водонепроницаемые, пылезащитные. Капиталистам такие даже не снились.

– Что вы говорите! – Александр Алексеевич Терехов взял часы из рук майора, повертел их в пальцах. – Что ж, премного благодарен.

Он надел стальной браслет на запястье и защелкнул его. С чуточку растерянным видом показал «окольцованную» руку майору.

– Вот и хорошо, – кивнул тот. – Носите на здоровье. И помните: мы заботимся о вас.

– Вы?

– Я имел в виду государство. И его контролирующие органы. А теперь – приступайте к эксперименту, Александр Алексеевич. Кстати, часы эти выставлены по кремлевским курантам. Пусть эта мысль воодушевляет вас.

– Непременно воодушевит, – сказал Александр и незаметно подмигнул брату Борису, стоявшему в числе прочих сотрудников за пультом.

Войдя в передвижную лабораторию, он снова нашел взглядом Бориса сквозь прозрачную стену и улыбнулся ему. А потом что-то прошептал одними губами. Борис не мог слышать слов, но он понял, что сказал Александр.

«Еще увидимся, старик!»

Это был последний раз, когда он смотрел брату в глаза и когда видел его улыбку. Через несколько минут Александр исчез вместе с передвижной лабораторией. И согласно показаниям приборов, исчез не просто из виду – исчез из нашего мира.

И Бог знает, где он теперь.

Профессор Терехов тяжело вздохнул, потом посмотрел на громоздкое сооружение, стоявшее в углу большой комнаты, и тихо пробормотал:

– Скоро, Саша... Уже совсем скоро.

6

– Дайте-ка соображу. – Егор нахмурил лоб. – Предметы из прошлого доходят до нас «естественным» путем. Достаточно поместить вещь в надежный тайник, а потом – уже здесь, в нашем времени – вскрыть этот тайник и извлечь из него вещь. Но этот способ не сработает с предметами, которые надо доставить из будущего в наше время. И поэтому...

– И поэтому я нашел новый, – заявил профессор Терехов.

Он достал из антикварного буфета бутылку вина и два хрустальных фужера и выставил все это на стол. Не забыл профессор и про закуску – на столе появились вазочки с оливками, сыром и тонко нарезанной ветчиной.

Усевшись в кресло, он разлил вино по фужерам. Свет настольной лампы играл гранями хрустального бокала и оживлял бесстрастные черты профессора Терехова.

– Все дело в трубке, которую ты доставил.

– Да, вы говорили, что ее новые свойства как-то связаны с потоком фотонов. Но я толком не понял, что это означает?

– Все просто. – Профессор достал из кармана халата курительную трубку с золотым мундштуком и костяной чашей, сделанной в виде головы дьявола. – Встроенная в оптическую систему, которую я изобрел, трубка позволяет замедлить лазерные лучи, пропущенные сквозь специальные кристаллы, закольцовывает их и заставляет вращаться. Энергия вращающихся лазерных лучей способна деформировать пространство в световом кольце таким образом, что силы гравитации...

– Профессор! – осадил его Волчок.

Терехов на мгновение замолчал, потом кивнул и сказал:

– Да, прости. В общем, с помощью этой трубки мы создадим что-то вроде... лазерной ловушки. А в нашем случае – что-то вроде «почтового ящика», и все, что попадает внутрь этого ящика, может перемещаться во времени куда угодно – хоть в прошлое, хоть в будущее.

– Таким образом...

– Таким образом, тебе достаточно добыть предмет и положить его в этот ящик, который существует как бы вне времени, а точнее – во всех временах сразу.

– Что-то вроде пневматической почты?

– Ну, если эта метафора поможет тебе осмыслить мои слова, то почему бы нет?

Егор обдумал слова профессора и заявил:

– Что ж, общий принцип я понял.

Терехов облегченно вздохнул:

– Слава богу. Я уж думал, что придется объяснять заново. А я, ты знаешь, не большой мастер превращать сложное в простое. Мне привычнее все усложнять.

– И вы уверены, что это сработает?

– На все сто.

– Гм... А как насчет человека? Что, если в вашу лазерную ловушку поместить живого человека? Можно будет перемещать его во времени так же, как вещь?

Профессор усмехнулся:

– Ты зришь в корень, дружок. Теоретически это возможно. Но нужен источник энергии, равного которому на Земле пока не существует. «Костяной дьявол» и «Метаокуляры» способны генерировать энергию при определенных условиях. Однако этой энергии хватит только на то, чтобы переместить во времени маленький предмет. Максимум – четыреста двадцать граммов.

Егор помолчал, обдумывая услышанное, потом уточнил:

– Эту идею подсказал вам брат?

Оба, и профессор, и Егор, покосились на старенький ламповый радиоприемник «Рассвет» с маленьким циферблатом на панели.

– За последние месяцы он дважды выходил на связь. Но полноценным контактом это считать нельзя. Из-за сильных помех я почти не слышу, что он говорит. Однако идею с трубкой подсказал мне он. Ты чего улыбаешься?

– Вы беседуете с братом, который переместился в другое измерение, и делаете это с помощью старенького приемника. Если бы кто-нибудь слышал нас со стороны, он бы подумал, что мы сумасшедшие.

– С этим не поспоришь, – весело произнес Терехов.

Егор и профессор посмотрели друг на друга и вдруг рассмеялись.

– Знаешь, – все еще посмеиваясь, заговорил профессор, – из структуры, в которой я работал в советские годы, меня выгнали за то, что я тратил рабочее время на свои нужды. И не только время. Меня уличили в разбазаривании государственных средств. По тем временам это было очень серьезное обвинение.

Егор внимательно смотрел на морщинистое лицо профессора.

– Сколько вам дали? – тихо спросил Волчок.

– Пятнадцать лет.

Волчок присвистнул.

– Я отсидел только семь, – добавил Терехов. – Освободили по амнистии и даже хотели восстановить в должности, но я сказался недееспособным и убедил их, что я болен.

Профессор достал из кармана своего роскошного восточного халата жестянку с табаком.

– Если бы не тюрьма, я бы попытался вызволить Александра гораздо раньше, – сказал он, набивая табаком «Костяного дьявола». – Но я и в тюремных застенках не терял времени даром. Формулы, догадки, выводы – все это хранилось здесь. – Профессор легонько постучал себе по виску согнутым пальцем. – Они ограничили в передвижении мое тело, но опутать силками мой разум – не в их власти.

Профессор утрамбовал табак пальцем и сунул мундштук трубки в рот. Егор смотрел на него изумленно.

– Профессор, что вы собираетесь делать?

– Курить. А что?

– Но ведь *это* теперь не просто трубка.

Терехов вынул «Костяного дьявола» изо рта, посмотрел на Егора и пожал плечами:

– Трубка приобрела кое-какие новые свойства, но все же она остается трубкой. Я просто использую ее по прямому назначению.

И он снова сжал мундштук зубами. Егор подождал, пока Терехов закурит, после чего осведомился:

– Когда начнем?

– Чем быстрее, тем лучше, – ответил профессор и пыхнул сизым, ароматным дымом.

– Надо как-то подготовиться?

– Ты попадешь в две тысячи семьдесят второй год, Егор. А к будущему невозможно подготовиться, поскольку мы не знаем, что нас ожидает впереди.

На лице Волчка отобразилось сомнение.

– А что, если там сейчас идет ядерная война?

Терехов, потягивая трубку, усмехнулся:

– Ты хочешь составить завещание?

– Очень смешно, – хмыкнул Егор.

– Прости за дурацкую шутку. Но мы действительно никак не можем подготовиться. Да это и не нужно. Когда ты окажешься в теле своего потомка, его память подскажет тебе, что делать дальше. Так же, как это было в прошлый раз, когда ты попал в Средневековье.

– Логично, – согласился Волчок. – А если у меня нет никаких потомков? В чье тело переместится мой разум в этом случае?

– Ни в чье. В этом случае перемещение просто не состоится.

Волчок нахмурился и обдумал слова профессора.

– Что ж, – сказал он после паузы, – пожалуй, я готов рискнуть.

Профессор вынул изо рта трубку, взялся за свой фужер и залпом допил вино. Потом почмокал губами, вновь взглянул на Егора и спросил:

– Тогда начнем?

Лицо Волчка вытянулось от удивления.

– Прямо сейчас?

Профессор дернул худым плечом:

– А чего тянуть? Машина готова к работе. Ты, насколько я могу судить, тоже. Вы оба готовы.

– Что я должен добыть?

– Часы «Командирские». Они были на руке моего брата в тот момент, когда он исчез.

– И вы уверены, что я их найду?

– Все будет так же, как было с трубкой, Егор. Квантовый навигатор вычислит точку максимального сближения. Ту точку, где ваши траектории неминуемо должны будут пересечься.

Егор поднялся с кресла.

– Давайте сделаем это как можно скорее, профессор. Пока еще я полон решимости.

– Что ж...

Профессор протянул «Костяного дьявола» к пепельнице и выбил из него тлеющий табак. Затем поднялся, прошел к пульту, пробежался пальцами по клавишам, повернулся к Егору и указал ему на стальную ванну, заполненную маслянистой жидкостью.

– Тайм-бокс к твоим услугам, дружок.

Егор стянул через голову свитер и положил его на стул.

– Я оставлю футболку и джинсы?

– Оставляй, если не жалко.

Егор открыл полупрозрачную крышку ванной, перекинул ногу через борт и опустил ее в жидкость.

– Теплая, – констатировал он.

– Около тридцати шести градусов, – уточнил профессор.

Егор перекинул вторую ногу, опустился в ванну и подставил голову под электроды и присоски, которые протянул к нему Терехов.

– Попав в тело «носителя», ты какое-то время будешь дезориентирован. Но это продлится не дольше минуты. Потом твоя воля подавит волю «носителя» и отключит его сознание. Однако его память останется нетронутой, и ты будешь знать все, что знает он.

Профессор подключил к голове Егора датчики, затем взял с полки маску, похожую на респиратор с водолазными очками, взглянул на Егора и спросил:

– Есть последнее желание?

– Идите к черту!

Терехов усмехнулся:

– Боюсь, что рано или поздно мы оба окажемся у него в гостях.

Надев на Егора маску, профессор притопил его ладонями так, чтобы маслянистая жидкость накрыла парня с головой. Затем опустил на ванну непроницаемую черную крышку.

Волчок погрузился в полную тьму, в которой не было даже слабого проблеска света. Теплая, маслянистая жидкость мягко обволокла тело, погружая его в подобие невесомости. Через некоторое время он перестал ощущать пространство и время. Состояние было обескураживающим, но совсем не пугающим...

– Расслабься, – услышал Егор в наушниках голос Терехова. – И говори что-нибудь, пока я синхронизирую подачу импульсов.

– Легко. Меня зовут Егор Волков... Я хорошо разбираюсь в «железе»... Кроме того, я люблю кататься на лыжах... А еще я путешествую во времени. По крайней мере, меня пытается в этом уверить один сумасшедший старик, который...

Голос Егора звучал все менее отчетливо и постепенно превратился в нечленораздельное бормотание. Прошло еще несколько секунд, и голос затих совсем. Тьма поглотила разум Егора, и это была тьма небытия.

Глава 2

Медиум Геер

1

Москва, 28 августа 2072 г.

Полотно Дмитровского шоссе и тротуары давно затянулись лишайником, мхом и клевером. Кое-где из травы торчали чахлые березы. Слева и справа от Геера высились кирпичные и бетонные коробки домов с черными дырами окон. Каждое второе здание заросло травой и деревьями с нижнего этажа по самую крышу, и представляло собой настоящую вертикальную экосистему, царствовали в которой ловкие, сильные хищники, потомки некогда смиренных и ласковых домашних кошек.

Улица все еще была заполнена машинами, некоторые из них настолько проржавели, что превратились в бесформенную рухлядь.

Метрах в трех от Геера валялся ржавый «шестисотый» «Мерседес». Трудно представить, что когда-то эта развалина могла не только резво катиться по дороге, но и вызывать у кого-то радость обладания. Как ни крути, а все в этом мире рано или поздно превращается в дерьмо.

По ту сторону шоссе Геер разглядел трех мелких псов-мутантов, грызущих что-то отвратительно-красное. Вот она – реальность, во всем ее великолепном, омерзительном виде.

Геер пригладил ладонью ежик коротко остриженных темных волос и посмотрел на сумрачное небо, на котором вместо звезд полыхали едва различимые розоватые протуберанцы, и решительно проговорил:

– Сегодня со мной ничего не случится.

Зря он это сказал. Стоило Гееру опустить взгляд, как он тут же увидел перед собой четырех огромных тварей. На первый взгляд они были похожи на зверей – размером покрупнее обычного волка, загривки мощные, грудные клетки – как наковальни. Глаза посажены широко, гораздо шире, чем у человека, зато передние лапы, усаженные когтями, больше похожи на мускулистые человеческие руки.

– Деграданты... – прошептал Геер севшим от ужаса голосом.

Да, это были деграданты. Но не просто деграданты, а самая опасная их разновидность – вырожденцы, вроде тех человеко-людей, которые описаны в романе Уэллса «Остров доктора Моро».

Ноги Геера вдруг ослабли и стали подрагивать, а рука медленно двинулась к кобуре, пристегнутой к широкому поясу. Твари заметили это движение и зарычали. Геер снова замер. Прорезиненный комбинезон прилип к спине от пота, а сердце забилося в груди неровно и с такой интенсивностью, что, казалось, вот-вот выломает ребра и вылетит наружу.

С глухим рычанием, не спуская с Геера налитых кровью глаз, твари рассредоточились, отрезая ему пути к бегству. Пасти их были оскалены, а с поблескивающих клыков на землю капала клейкая слюна. Однако теперь Геер не сомневался в том, что видит перед собой деградантов. Слишком осмысленными были взгляды чудовищ, слишком расчетливой была их злоба, а на черных лоснящихся губах застыли холодные усмешки.

– Я медиум-добытчик, – отчеканил Геер, отслеживая взглядом перемещение тварей, – и я нахожусь под защитой эволюидов.

При упоминании об эволюидах чудовища остановились и наострили уши, но как только Геер замолчал, снова медленно двинулись к нему, готовые в любой момент прыгнуть и разорвать его на части.

Геер стал так же медленно пятиться. Эти четыре дегранта почти полностью выродились, но еще умели мыслить по-человечески и хорошо понимали, чего хотят. Они были полны решимости заполучить его стволовые клетки и не собирались отступать, несмотря на то, что пальцы Геера застыли всего в паре сантиметров от кобуры, из которой торчала рукоять файергана, переделанного из пятнадцатизарядной «Беретты-92».

Ситуация свидетельствовала, что договориться с дегрантами не удастся.

Геер считал себя хорошим бойцом. У него были крепкие кулаки, и он, не задумываясь, пускал их в ход, если того требовали обстоятельства, однако гораздо больше Геер полагался на собственные ноги. Крепкие кулаки способны повысить самооценку, но быстрые ноги могут спасти жизнь.

«Соберись и действуй, сукин сын!» – приказал себе Геер.

Не раздумывая больше ни секунды, он выхватил из кобуры «беретту» и нажал на спуск. Затем повернулся и быстро запрыгнул на ржавый капот «Мерседеса». Один из дегрантов упал на землю с развороченной грудью, а три других ринулись вперед.

Геер взлетел на крышу «Мерседеса», развернулся и еще дважды нажал на спуск. Однако на этот раз старенький файерган не сработал. Три разъяренные твари уже запрыгнули на капот машины, а четвертая подняла голову с земли – раны от файергана на теле дегранта быстро затягивались, развороченные ткани чудовища стремительно регенерировали.

Геер спрыгнул с «Мерседеса» и кинулся к заброшенной автозаправочной станции. Бежать по земле, усеянной мусором, было тяжело, пару раз Геер едва не подвернул ногу и не упал. Колючие кусты зверотрава цеплялись за штанины, словно пытаясь удержать его, но он продолжал лететь вперед, спасая свою жизнь.

Один из дегрантов настиг Геера и сбил его с ног. Геер, не оборачиваясь, ткнул ствол файергана чудовищу в грудь и снова нажал на спусковой крючок. На этот раз оружие сработало, и силовой сгусток с полыхающим внутри огнем отбросил дегранта назад.

По всей вероятности, этот выстрел оказался смертельным, поскольку дегранты вдруг прекратили преследование. Обернувшись, Геер увидел, что они набросились на убитого собрата и с кровожадным урчанием принялись разрывать его зубами и когтями.

В памяти Геера мелькнула страница из старенького учебника по физиологии, который он просматривал одним дождливым вечером. На странице была картинка-схема: толстый червь, которому скормили кусочки тела другого червя, усвоил вместе с плотью пожираемого его ментальные навыки и память.

«Съешь сердце врага, и получишь его душу!» – вспомнил он любимую присказку бандита Сердцеда.

Дьявол поberi – чем же тогда люди отличаются от дегрантов?!

Геер попытался вскочить на ноги, но снова упал, застонав от боли. Спина и плечи его, онемевшие от удара когтистых лап, начали гореть. Геер перевалился на бок, поднял левую руку и ощупал плечи. Пальцы его наткнулись на глубокие раны, из которых струилась кровь. От прикосновения пальцев боль в разорванных плечах усилилась, и Геер, глухо застонав, опустил руку.

Переведя дух и стараясь не слушать плотоядное чавканье дегрантов, он снова попробовал подняться. На этот раз у него получилось. Дегранты вскинули морды и зарычали.

«Пожалуйста, не подведи!» – безмолвно взмолился Геер, повернулся лицом к тварям и широко расставил ноги, занимая более твердую позицию. Дегранты, сообразив, что цель вот-вот перестанет быть уязвимой, бросили окровавленное, недоеденное тело собрата и ринулись на Геера. Он быстро перевел панель регулятора в максимальное положение, моля Бога, чтобы старенький файерган не разорвался у него в руках, затем поднял оружие перед собой и нажал на спуск.

Раздался громкий щелчок, и из дула вылетел ступок плазмы. Едва покинув дуло, он разделился на десяток клочков огненной энергии, и клочки эти, подобно вееру, накрыли деградантов. Твари секунду стояли неподвижно, а потом рухнули на землю и рассыпались на миллионы пылинок.

Медиум сунул файерган в кобуру и перевел дух. Раны, оставленные когтями деграданта, саднили. Поморщиваясь от боли, он осторожно ощупал свои плечи. Раны были довольно глубокими, сильно кровоточили и требовали скорейшего внимания. Геер подошел к брошенному рюкзаку, присел рядом и достал шприц с «нанорегенерантом».

Сделав себе инъекцию, он опустил шприц и приготовился ждать. Впрочем, ждать пришлось недолго. Раны на плечах стали быстро затягиваться. Боль была почти невыносимая, но Геер сцепил зубы и терпел. Наконец, все закончилось. Он закинул руку и ощупал плечо. На месте ран не осталось даже шрамов.

Геер облегченно вздохнул и усмехнулся пришедшей в голову мысли: жаль, что куртку нельзя починить так же легко и быстро, как собственную плоть. Ничего не поделаешь, издержки прогресса.

2

Бармен Мэл, чуть вытянув шею, посмотрел на пухлый, пыльный рюкзак, стоявший у ног Геера, и вежливо осведомился:

– Хороший улов?

– Неплохой, – ответил Геер. Отхлебнул пива и поинтересовался: – Кто сегодня в городе из скупщиков?

– Давид Кривой и Семен Люперс.

– Гм...

Геер вспомнил лица этих двух барыг. Лица были неприятные – обрюзглые, с алчно горящими глазами. Впрочем, других лиц у скупщиков и не бывает.

Улов нынче богатый. Гееру даже не верилось, что он сумел собрать столько трофеев – и всего за семь часов трипа⁴. Лучшим трофеем, конечно же, был проездной билет «Московского метрополитена» с коричневой магнитной полоской. За него любой скупщик отвалит не меньше сотни. А сам перепродает ее знающим людям за две или даже три. Тот, кто рискует собственной башкой, всегда получает меньше того, у кого есть необходимые связи. Таковы правила «оптинного» бизнеса, и с ними приходится считаться.

Геер поставил кружку с недопитым пивом на стойку, нагнулся, ослабил стяжку рюкзака и вынул из него тоненькую пластиковую папку. Положил папку на колени, раскрыл ее и взглянул на пожелтевший обрывок газеты.

Геер стер с клочка бумаги ладонью пыль. Маленькие буквы статьи почти невозможно было разобрать. Но название он видел вполне четко.

«АПОКАЛИПСИС СЕГОДНЯ?»

Геер усмехнулся. Надо же! Пятьдесят лет назад они еще в этом сомневались.

Газету можно отдать Сердцееду, он любит старые газеты и любовно их собирает. Что ж, у каждого свои причуды.

Вспомнив про главаря банды, Геер поморщился. Он терпеть не мог этого жирного, хладнокровного борова, затянутого в черный кожаный плащ и с эсэсовской фуражкой на голове. (Перекрещенные кости для околыша черной фуражки Сердцеед выплавил из олова сам, хотя редко держал в руках что-нибудь, кроме стилета, файергана или собственного члена.)

Сердцеedom этого мерзавца прозвали вовсе не за то, что он соблазнял женщин, а за то, что обожал вырезать у своих врагов сердца и съедать их. Он был уверен, что таким образом забирал души погибших.

При взгляде на таких, как Сердцеед, Егор проникался презрением к человечеству. Возможно, эволюиды и деграданты, две другие расы разумных существ, населяющие грешную Землю, не так уж и не правы в том, что считают людей пережитком прошлого.

После генетической катастрофы и События человек оказался на Земле лишним звеном, и еще нужно было сказать спасибо, что эволюиды прекратили откровенный геноцид людей, разрешив им свободное проживание в резервациях и даже создав для них рабочие места в сфере ОВР⁵.

Большинство людей давно смирилось со своей ролью «промежуточного звена» и с тем, что в конце концов они должны исчезнуть с лица Земли. Все чаще женщины соглашались на ДББС – «добровольную, бесплатную и безболезненную стерилизацию», которую навязывали им эволюиды.

---

⁴ **Трип** (*жарг.*) – поход медиума в Оптину за трофеями.

⁵ Обслуживание Высшей Расы.

Многие люди, устав от нищеты, шли на «зверофабрику» к деградантам, где добровольно сдавали стволовые клетки. Деграданты отвергали теорию эволюции, которую так обожали эволюиды, однако, несмотря на звериный облик, присущий большинству деградантов, они тоже считали людей низшей кастой. И все же, в отличие от эволюидов, деграданты нуждались в людях. Их генотип менялся, звенья ДНК рушились, и для того, чтобы притормозить процесс полного перерождения в чудовищ, они нуждались в человеческих стволовых клетках.

Геер презирал доноров, как презирал и рабов из ОВР. Впрочем, о своем мнении он предпочитал не распространяться.

Геер тряхнул головой, прогоняя неприятные мысли. Никакого нытья, никаких депрессий! Сегодня особенный день, и он должен быть в форме. Он снова взглянул на Мэла и спросил:

– Сенатор Стокманн нынче здесь?

– Да, – ответил Мэл и неприязненно усмехнулся. – Ты же знаешь, что по пятницам он всегда зависает в буферной зоне. Он любит острые ощущения.

– То-то, я смотрю, в баре полно гардов и шпионов. – Геер снова отхлебнул пива. Пиво было холодное, терпкое и чуть сладковатое. В голову оно ударяло с первого же глотка. Геер отпил еще глоток, облизнул горько-сладкие губы и уточнил: – Он остановился в «Медузе»?

– Конечно. Где ж еще? Говорят, притащил с собой пару влиятельных дружков.

– Надеюсь, они не уедут в метрополию разочарованными, – сказал Геер и подмигнул Мэлу.

Тот ответил ему натянутой усмешкой и повернулся к подошедшим к стойке парням. Парней было двое. Явные «гарды в гражданском». Сенатор Стокманн любит чувствовать себя в безопасности. Буферная зона – местечко горячее, хоть и веселое, и без телохранителей и агентов тут никак.

Один из гардов был худощавым азиатом с желтым, как сыр, и таким же рябым лицом. Второй выглядел внушительнее: гора мускулов, обтянутая пиджачной тканью, и маленькая лысая голова на бычьей шее.

Азиат заметил, что Геер разглядывает его, и небрежно осведомился:

– Чего пялишься?

– Я не пялюсь, я блуждаю взглядом по залу, – в тон ему отозвался Геер.

– И как зал? Нравится?

– Нравился, пока не пришли вы.

Несколько секунд Геер и гард смотрели друг другу в глаза. Потом гард отвернулся и попросил у Мэла пиво для себя и своего товарища.

Второй гард, ни слова не говоря, достал из кармана нож, выщелкнул лезвие и принялся подкорачивать острым, как бритва, лезвием свои желтые от никотина ногти.

– «Спайдерко», – сказал Геер. – Хороший нож. В бою, конечно, так себе, но, если захочешь вырезать из коры кораблик, лучше не найдешь.

Он как бы невзначай откинул полу кожаной куртки, так, чтобы парни увидели его модифицированную «беретту». (Обычные мужские игры. Что-то вроде легкого «флирта».)

Немного помолчав, крепыш повернулся к Гееру и уставился на него глазами, полными злобы.

– Думаешь, крутой? – хриловато спросил он.

– Что ты. – Геер усмехнулся. – Это вы крутые, а я так, мимо проходил.

Крепыш начал вставать со стула, но азиат положил руку ему на плечо и что-то шепнул на ухо. Тот метнул в Геера глазами молнию, но снова опустил на стул. Крепыш убрал нож в карман, и оба гарда уткнули носы в пивные кружки.

Геер представил себе, что сейчас творится в их душах, и ему стало смешно. Перед тем как отправиться в буферную зону, каждый гард проходит подробнейший инструктаж. И первое

правило инструкции гласит: не провоцировать ссор с медиумами и кочевниками и не ввязываться в драки.

Хорошее правило. Но плохо, что гарды не всегда ему следуют. Прямо беда с этими гардами из Метрополии. Припрутся в буферную зону и воображают себя «краповыми беретами» в джунглях Вьетнама. Хорошо хоть в Оптине не появляются. Хотя – куда им в Оптину? И часа не продержатся.

Некоторое время Геер развлекал себя тем, что придумывал гардам разнообразные ловушки, на которые так щедро Оптина, и представлял, как парни будут из этих ловушек выпутываться.

– Геер... – проблеял сбоку старческий дребезжащий голос, – подай инвалиду на достойную кончину.

В углу, чуть в стороне от барной стойки, сидел на полу дряхлый лысый старик. Из одежды на нем были только мешковатые штаны. Голый торс старца был дряблым и морщинистым, а попрошайничая, он всегда поворачивался к барной стойке спиной, чтобы посетители могли видеть его спину, перечеркнутую двумя страшными шрамами.

Шрамы эти, расположенные по обеим сторонам позвоночника, время от времени начинали кровоточить и не давали старику покоя. Впрочем, давя на жалость публики, он неплохо на этом зарабатывал.

Геер вынул из кармана мелкую пластиковую монетку и швырнул старику. Тот ловко поймал ее на лету и сунул в карман штанов.

– Благодарю тебя, добрый медиум, – продребезжал он, осенил Геера крестным знаменем и повернулся к двери, встречая нового посетителя.

– Сколько он тут уже? – спросил Геер у бармена Мэла.

– Лет десять, – ответил тот. – С самого открытия бара.

– Странные у него шрамы.

– Угу. Будто у птицы, которой оторвали крылья.

– Может, он раньше был ангелом? – с усмешкой предположил Геер.

Мэл тоже усмехнулся.

– Кто знает, друг. В этом мире все возможно.

Медиум Геер допил свое пиво, расплатился с Мэлом и отправился в комнату для медиумов.

Бросив в щель несколько монет, он дождался, пока ржавая дверь бесшумно откатилась в сторону, и вошел внутрь. Потом заблокировал дверь стальным засовом, прошел к креслу, снял с плеча рюкзак и грохнул его на столик. После этого Геер уселся в кресло, расстегнул рюкзак и вывалил его содержимое на столешницу.

Часть бронзового подсвечника, резиновое колесико от игрушечной машины, потускневший фантик от шоколадки «Аленка», сломанные часы с надписью «Orion», книга...

Обложки у книги не было, поэтому скупщик заплатит за нее по минимуму. Бывает, что автор и название указаны на страницах, поэтому на всякий случай Геер внимательно ее пролистал. Нет, ничего.

Испытав досаду, он раскрыл книгу наугад и пробежал взглядом по заляпанным грязью строчкам.

Ничего нет страшнее развалин,
на которые падает дождь,
по которым, как призраки, бродят
люди с разбитым сердцем.

Гееру стало немного не по себе. Он пролистал еще несколько страниц и снова скользнул взглядом по строчкам:

«Наверное, я постепенно лишился того, что называется инстинктом жизни, животной силой. Я живу в мире воспаленных нервов, прозрачный, как лед...»

Строчки были незнакомые. Геер закрыл книгу.

Книг после События⁶ осталось довольно много, но большинство из них дошло в сильно урезанном виде. Смерчи, сопровождавшие Событие, разрушили библиотеки и разметали книги. При Магистрате Метрополии есть особый род сотрудников – они собирают разрозненные куски страниц и пытаются склеить их воедино. Иногда получается толково, реже – забавно, но чаще всего – глупо. Возможно, поэтому Геер больше любил музыку.

В музыке была та целостность, которой ему недоставало в обезображенных Событием книгах. Если он находил пластинку, кассету или компакт-диск, то оставлял себе. За последние четыре года у Геера скопилось довольно большая коллекция.

Луис Армстронг, «Воскресенье», Телониус Монк, «Ума Турман», Антонио Вивальди, «Океан Эльзы», «Кино», Том Уэйтс... Много всего. Исполнители разные, и не все Гееру одинаково нравились. Лучше всего был, конечно, джаз. В нем, помимо импровизации, Гееру слышалась усмешка. Та самая усмешка, которая не сходила с губ медиума и стала в среде кочевников его фирменным знаком.

Геер мог бы сказать, что эта усмешка помогала ему выжить. В самом деле, если относиться ко всему слишком серьезно, то можно свихнуться.

Геер был уверен: в жизни добытчика-медиума должно быть что-то, ради чего стоит возвращаться из трипов. Для одних это наркотики, для других – кино, для третьих – женщины. Геера на плаву держала музыка. Пару раз он попадал в Оптине в такие лютые переделки, что непременно бы загнулся. Но мысль о том, что он больше никогда не услышит музыку, заставляла его выкарабкиваться.

Геер извлек из груды предметов, громоздящейся на столе, золотистый компакт-диск и сунул его в карман куртки.

«Нужно будет отдать диск хорошему чистильщику, чтобы считал и обработал информацию, – подумал он. – Дай бог, чтобы это оказалась музыка, а не какой-нибудь дурацкий «курс английского языка».

Перебрав все трофеи и прикинув, сколько запросит за каждый из них, Геер запихал вещи обратно в рюкзак.

Что ж, трофеи – это, конечно, хорошо. Но пять часов назад, будучи в Оптине, он кое-что нашел. Нечто такое, что стоит гораздо дороже, чем все трофеи, вместе взятые.

В кармане у Геера завибрировал телефон. Он достал трубку и приложил к уху:

– Да.

– Геер, это Бобер.

Бобер был агентом Геера, добывал для него заказы и неплохо справлялся с этой работой, поэтому Геер считал его добрым приятелем.

– Привет, Бобер. Не думал, что ты объявишься так скоро.

– Я и сам не думал. Послушай, Геер, я могу ошибаться, но, кажется, я нашел тебе хорошего клиента.

Геер посмотрел на кармашек рюкзака, где лежала вещь, которая должна была сделать его миллионером и навсегда избавить от необходимости ходить в Оптину. Посмотрел и усмехнулся.

– Бобер, я только что вернулся. Даже до дома не добрался, застрял в «буферной».

---

⁶ Событие – катастрофа, спровоцированная запуском боевого протонного ускорителя, который эволюиды применили в войне с людьми и дегрантами.

– Геер, это не простой клиент. Думаю, он легко сможет отстегнуть тебе восемь сотен. Восемь сотен... Отличный аргумент. Лучше восьми сотен могут быть только девять сотен.

– Просто поговори с ним, ладно? – гнул свою линию Бобер. – Пять минут. Ради нашей дружбы.

Восемь сотен... Хорошие деньги. Что, если действительно встретиться с этим толстосумом и выслушать его? В принципе время есть.

– Ладно, – сказал Геер в трубку. – Тащи своего толстосума сюда.

– Ты сейчас у Мэла?

– Да.

– Через пятнадцать минут он будет там. Его зовут Егор Волков. Имей в виду: в ценах он ориентируется плохо, поэтому раскрути его по максимуму. И еще: если дело выгорит, я рассчитываю не только на гонорар, но и на премиальные. – Тут Бобер спохватился, что говорит с медиумом, и поспешно добавил: – Я ведь не слишком борзею, Геер?

– Нет, Бобер, не слишком. Да пребудет с тобой сила, брат!

Геер отключил связь и убрал телефон в карман. На секунду задумался: откуда, интересно, взялась эта фраза – «Да пребудет с тобой сила»? Но так и не вспомнил.

Рюкзак он спрятал в сейф бара, заплатив за это Мэлу пару скинов. Затем уселся за стол. В ожидании клиента он заказал себе кусок копченой курицы, жареную картошку и стакан красного вермута. Быстро все это съел и выпил. Потом попросил Мэла принести еще пива.

Потягивая пиво, Геер нацепил наушники и включил музыку. На этот раз его выбор пал на композицию «Альфи» в исполнении чернокожего саксофониста Сони Роллинга. Музыка лилась легко, энергично, игриво. Бесстрашный флирт городского пижона с уродливым, жутковатым миром. Молодец, парень, так держать!

Чем энергичнее наяривал саксофон Роллинга, тем легче Гееру становилось дышать. От тоски, сдавившей грудь несколько часов назад, не осталось и следа.

«Джаз – великая вещь, а наши предки, какими бы говнюками они ни были, заслуживают прощения за то, что изобрели его», – подумал Геер.

3

Егор Волков вошел в бар, когда Геер, сытый и довольный, откинулся на спинку стула и закурил сигарету. Это был высокий широкоплечий человек, лет сорока на вид, одетый в темное, длиннополое, дорогое пальто. Темноволосый, со светло-кариками, почти желтыми глазами. Худощавое лицо не отличалось выразительностью черт, но от него веяло спокойной силой.

Пока он приближался, Геер немного помедитировал. От клиента исходили легкие, холодноватые вибрации. Перед внутренним взором Геера проскользнули все предыдущие воплощения клиента, и он не нашел в них ничего интересного.

– Вы Геер, верно? – спросил клиент, остановившись рядом со столиком.

Геер кивнул и указал ему на свободный стул.

– Меня зовут Егор Волков, – представился мужчина, усевшись. – Бобер сказал, что вы отличный кочевник.

– Медиум, – поправил Геер. – Не кочевник, а медиум.

Волков нахмурился.

– Но вы тоже ходите в Оптину, верно? – уточнил он.

– Верно, – последовал ответ.

– Тогда в чем отличие?

– Кочевники могут подолгу находиться в Оптине, а в метрополиях чувствуют себя, будто амфибии, выброшенные из воды на горячий асфальт. Медиумы просто приходят в Оптину, добывают трофеи и возвращаются обратно в Метрополию.

– Ясно, – кивнул Волков. И пояснил: – Я здесь недавно. Еще не успел освоиться.

– Где здесь?

– В вашем мире. Я из *проснувшихся*.

Вот оно что. Гееру все стало понятно: и этот холодок в вибрациях, и эти черные, пугающие лакуны в ауре.

Когда-то давно, еще до События, на Земле были чудачки, которые распорядились заморозить свои тела после смерти, в надежде на будущее воскрешение. И для некоторых из них воскрешение состоялось.

Этот тип и впрямь должен быть страшно богат, если смог позволить себе разморозку. Судя по всему, Волков уже прошел реабилитационный курс и сейчас находился в стадии адаптации. Обычно «проснувшимся» требуется много времени, чтобы свыкнуться с новым положением вещей. И все равно каждый третий из «проснувшихся» сходит с ума. Засыпая полвека назад на Земле, они никак не рассчитывали проснуться в Преисподней.

– Могу я задать вам несколько вопросов? – снова заговорил Егор Волков.

– О чем?

– Я читал про область ОПТ. Это расшифровывается как «область по ту сторону», верно? Но вы, кочевники, зовете ее просто Оптина.

– Медиумы, – поправил Геер. – Вы говорите с медиумом.

Волков несколько мгновений смотрел на него в замешательстве, потом кивнул и сказал:

– Да. Простите. После разморозки у меня не все в порядке с головой, а ваши брошюры написаны слишком сложным и корявым языком. Не могли бы вы вкратце рассказать мне про Оптину, чтобы я сверил ваш рассказ с почерпнутой из брошюры информацией?

Геер глянул на часы. До встречи с сенатором оставалось еще сорок минут. Пожалуй, можно прочесть этому мастодонту вводную лекцию и таким образом убить время.

– Территория, называемая Оптиной, занимает восемьдесят процентов земной и океанической поверхности планеты, – начал Геер. – На оставшихся двадцати процентах человеческой цивилизации удалось сохраниться в том виде, в каком она существовала до того, как Собы-

тие изменило мир. На обширной территории Оптины земные законы либо дают сбои, либо не действуют вовсе.

– Я читал, что после События в некоторых районах перестал действовать закон гравитации, – сказал Волков. – И что целые деревни и города улетели в космос вместе со всеми жителями.

– Так и было, – кивнул Геер, не совсем понимая, чему тут можно удивляться. Подумаешь – гравитация. Во время походов в Оптину ему приходилось видеть такое, в сравнении с чем взлетающие в небо дома – сущая ерундовина.

– Ученым до сих пор не удалось найти всему, что происходит, хоть какое-то разумное объяснение, – сказал Геер. – Церковники поступили проще. Они объявили, что Событие – это обещанный пророками Апокалипсис. Больше половины Земли отхлупал вездесущий и безжалостный Сатана, учредив там филиал ада, мертвые восстали из могил для Страшного суда, ну и все такое прочее.

Говоря это, Геер усмехался, и Волков улыбался в ответ, словно речь шла о каком-то дурацком пустяке. Но на душе у Геера было мрачно и безысходно, как бывало всегда, когда он говорил с кем-нибудь об Оптине. Его духовный наставник по кличке Комиссар был уверен, что ад выдался из подземных недр, подобно гнойному нарыву, и растекся по земле. И, проблуждав по Оптине четыре года, Геер склонен был ему верить.

По статистике шестеро из десяти медиумов не возвращаются из своего первого похода. Что касается Геера, то он был в Оптине уже пятнадцать раз и до сих пор чувствовал себя неплохо.

Волков кашлянул в крепкий кулак и сказал:

– Видите ли, в чем дело, медиум... Незадолго до того, как меня заморозили, я кое-что спрятал у себя в квартире. И теперь хочу вернуть эту вещь.

Геер стряхнул с сигареты пепел.

– Что за вещь?

– Неважно. Главное, что эта вещичка дорога мне как память.

– С чего вы взяли, что она все еще там?

– Она лежит в сейфе. Сейф вмонтирован в стену. Если дом цел, то и сейф цел.

– Логично.

– Подайте монетку, добрый человек! – протребезжал от барной стойки громкий старческий голосок. – Богу за вас помолюся!

Егор Волков глянул на полугололого старца, примостившегося возле бара, и полез в карман за монеткой. Старик, ожидая подачки, подобострастно улыбнулся Егору, но вдруг лицо его на мгновение оцепенело, а потом вытянулось от изумления, а в глазах промелькнул ужас, словно он увидел перед собой привидение. Старик поднял тощую, морщинистую руку и быстро перекрестился.

Егор достал из кармана монету и швырнул ее старику. Монетка упала на пол рядом с попрошайкой, но тот к ней даже не притронулся. С неопишуемым ужасом глядя на Егора, он снова перекрестился и пробормотал:

– Чур меня! Чур!

Затем, крихтя, поднялся с пола, повернулся и, держась рукой за большую поясницу, быстро засеменил к двери. Егор глядел на голую спину старика, пока тот не скрылся за дверью, после чего повернулся к Гееру и сказал:

– Странный старик.

– Да уж, – отозвался медиум.

– И шрамы у него на спине странные.

– И главное – не заживают уже полвека. Прямо как стигматы.

– Как он их получил? – поинтересовался Волков.

Геер пожал плечом:

– Говорит, что не помнит. Помнит только, что был большой пожар. Вокруг «бушевал адский огонь», стены «рушились и дробились в песок», и все такое. – Геер затянулся сигаретой и выдохнул вместе с дымом: – Говорят, пожарники и впрямь вытащили его из-под обломков какого-то рухнувшего здания. Здоровье ему восстановили, но память он потерял напрочь.

– И это было пятьдесят лет назад?

Медиум кивнул:

– Угу. И даже больше. Еще до катастрофы.

Егор Волков задумался. Лицо старика и впрямь показалось ему странно знакомым, но где конкретно он мог его видеть, вспомнить не удавалось.

– Знаешь его? – с любопытством спросил Геер, наблюдая за реакцией собеседника.

Тот вздохнул и покачал головой:

– Нет. Давай вернемся к делу.

– Давай. – Вмяв окурки в пепельницу, Геер посмотрел клиенту в глаза и отчеканил: – Кстати, должен сразу предупредить. Я не вожу людей в Оптину для встреч с умершими родственниками и друзьями.

В лице клиента что-то неуловимо переменялось, ресницы его дрогнули, и он тихо произнес:

– А это действительно возможно?

– В Оптине возможно все. Но подобные визиты чреваты осложнениями, большинство из которых заканчивается гибелью. Поэтому если вы задумали что-нибудь этакое...

– Уверяю вас, я не собираюсь встречаться с умершими родственниками, – заявил Егор Волков. – Большинство из них были откровенными негодьями. Оставшиеся – лицемерами, которые улыбались мне не из добрых побуждений, а в расчете на будущее наследство.

– Что ж, тогда я за вас спокоен, – сказал Геер.

И соврал. На самом деле это еще больше осложняло дело. Нет ничего страшнее голодных и неудовлетворенных призраков. Они способны попортить много крови и медиуму, и клиенту.

И тут аура клиента всколыхнулась, да так резко, будто на нее налетел ветер. А когда она снова успокоилась, пустых, пугающих лакун в ней было в два раза больше, чем прежде. Геер никогда такого не встречал и был бы рад и далее никогда не встречать. Если до этого он еще раздумывал, то теперь точно решил – больше никаких трипов.

– Разговор окончен, – проронил он, хмуро глядя на Волкова. – Я уделю вам гораздо больше времени, чем обещал Бобру.

Лицо брюнета вытянулось от удивления.

– Но послушайте...

– К сожалению, я сейчас слишком занят. А вам желаю удачи!

Геер швырнул на стол мелочь, поднялся со стула и двинулся прочь.

– Вы не сможете мне отказать! – громко проговорил Волков.

Было что-то в его голосе, что заставило Геера остановиться. Он оглянулся и сухо уточнил:

– Почему?

– Я готов заплатить вам столько, сколько вы попросите.

– Да ну?

– Назовите свою цену.

Геер прищурился.

– Допускаю, что мочитесь вы в золотой писсуар, а задницу подтираете старинным китайским шелком ручной работы. Только мне на это плевать. Поищите себе другого медиума.

Он повернулся и зашагал прочь, явственно ощущая, как странный клиент смотрит ему в спину.

4

Выйдя из бара, Геер сунул в рот сигарету и огляделся.

«Интересно, почему, когда я прихожу в Метрополию из Оптины, все вокруг кажется мне таким ненастоящим?» – подумал он вдруг.

Впрочем, долой грустные мысли! Сегодня отличный вечер для того, чтобы рискнуть собственной шкурой. Геер отшвырнул сигарету и зашагал к отелю «Медуза», где всегда останавливался сенатор Стокманн во время своих частых наездов в буферную зону.

Качественное пойло, дешевая наркота, доступные девушки, готовые вытерпеть любые «странности» клиентов, а также миловидные юноши, умеющие доставлять удовольствие обоими отверстиями пищеварительного тракта – вот далеко не полный перечень наслаждений, ради которых сенатор Стокманн совершал подобные набег.

Геер хорошо знал историю Земли за последние пятьдесят лет, и история эта не вызвала у него ни сожалений, ни горя, ни жалости. В две тысячи двадцать втором году стряслась генетическая катастрофа. Все население Земли охватила эпидемия неведомой болезни. Люди стали меняться, и говорят, это было жутко. У некоторых тела прямо-таки пульсировали, меняя форму и облик, руки превращались в лапы, потом – в крылья, потом еще черт знает во что. Процесс был страшно болезненный, и вся планета сотрясалась от воплей миллиардов людей. Половина населения Земли вымерла, а другая разделилась на три расы – эволюидов, деградантов и людей.

Эволюидами стали те счастливики, которые не только пережили эпидемию, но и приобрели в ее результате новые качества. У других с ДНК произошло нечто совсем уж несусветное – они начали превращаться в зверей. Этих стали называть деградантами.

Потом между тремя расами началась война, в ходе которой эволюиды завладели протонно-нейтронными ускорителями и Большим адронным коллайдером. План был простой: превратить ускорители в оружие и направить его против людей. Но – не срослось.

В результате войны люди сумели отвоевать себе определенную нишу, а некоторые из них (вроде сенатора Стокманна) даже вошли в совместное правительство эволюидов, людей и деградантов.

Геер не раз пытался себе представить, насколько комфортно сенаторы-люди чувствуют себя в окружении прекрасных и совершенных, как эльфы, эволюидов и страшных деградантов, чей разум часто отключался, уступая место чисто животным рефлексам и инстинктам. Гееру это всегда казалось странным.

* * *

Отель «Медуза» занимал пятиэтажный дом из серого пластиноидного камня. Геер поднялся на широкое крыльцо и нажал на кнопку звонка. Стальная дверь приоткрылась, и на пороге возник толстый господин в костюме и галстуке. У него были кудрявые сальные волосы и красная физиономия, из тех физиономий, которые постоянно просят кирпича и иногда его получают.

Окинув долговязую, худую фигуру Геера, он холодно произнес:

– На сегодня свободных номеров нет.

– У меня встреча с сенатором Стокманном, – сказал на это Геер.

Толстяк снова осмотрел Геера с ног до головы и спросил:

– Вы, должно быть, Геер?

– Точно, – ответил тот. И добавил: – *Медиум* Геер.

Толстяк вежливо осведомился:

– Документы имеются?

Геер показал тавро медиума. Толстяк долго его разглядывал, хмурия брови, после чего сказал:

– Вы можете пройти, медиум Геер, но вам придется отдать мне оружие.

– Разумеется.

Геер откинул полу плаща, вынул из кобуры «беретту» и вложил ее в широкую ладонь толстяка. Только после этого швейцар-гард распахнул перед медиумом стальную дверь.

Охрана в «Медузе» была на уровне. Перед входом в крыло, которое занимал сенатор Стокманн, два гарда в униформе тщательно прошмонали Геера металлоискателем. Гарды были обычными людьми, но очень сильными и с тренированной психосоматикой. При необходимости такие могли бы успешно противостоять даже медиуму средней руки.

После того как все формальности были соблюдены, к Гееру пристроились двое молчаливых молодых людей в небрежно повязанных галстуках и проводили его до лифта. Затем вывели в коридор и довели до кабинета с табличкой «Сенатор Стокманн». Один из провожатых тихо постучал в дверь.

– Да, – негромко произнесли за дверью.

Провожатый приоткрыл дверь и доложил:

– Сенатор, к вам медиум Геер.

– Пусть входит, – последовал ответ.

Гарды посторонились – Геер вошел в кабинет и притворил за собой дверь.

Кабинет был просторный и светлый. В обстановке – никакого пластика, только дерево и кожа. Стены обиты красивыми панелями из черного дуба. На полу – красный ворсистый ковер. В глубине кабинета – массивный стол для переговоров, а справа от него – большая часть непокрытого ковром гладкого мраморного пола, на котором одинаково удобно танцевать чечетку и резать людей. Протер тряпочкой – и никаких следов.

Сенатор Стокманн сидел за столом. Выглядел он так же, как на своих многочисленных фотографиях в газетах. Темные густые волосы, цепкие глаза, слегка подведенные тушью, нос тонкий и аккуратный, а губы – полные, чувственные, порочные.

Перед сенатором были разложены какие-то бумаги с колонками и цифрами, которые он просматривал до прихода посетителя. Сенатор оглядел Геера быстрым, но внимательным взглядом, затем указал ему на стул.

Геер сел. Он попытался проникнуть в мысли Стокманна, но не смог. Защита сенатора была непробиваема для медиума его уровня. Геер поймал себя на том, что волнуется. И связано это было отнюдь не с делом, ради которого он пришел. Геер чувствовал, что-то тут было не так. Что-то готовилось, что-то очень опасное и очень неприятное.

Он попытался украдкой медитировать, стараясь проникнуть в происходящее, но ничего не добился. Гееру показалось, будто что-то постороннее едва заметной, неслышной тенью скользнуло в его сознание. Ухватить эту тень он не успел, поскольку сенатор разомкнул свои ярко-красные губы и произнес:

– Слушаю вас, медиум Геер.

Он снова попытался проникнуть в мысли Стокманна, и снова потерпел неудачу.

Беспокойство Геера усилилось, но он по-прежнему ничего не мог понять. Интуиция, не раз спасавшая ему жизнь в Оптине, оказывалась почти бесполезной в мире обычных людей и их странных игр. В одну из этих игр собрался сыграть и Геер.

– У вас есть пара минут, медиум, – заявил сенатор Стокманн. – Советую не медлить.

– Пары минут вполне хватит, – ответил Геер. – Я пришел, чтобы рассказать вам одну историю. Вы когда-нибудь слышали про зеркала Чигорина?

– Слышал. Это спекшиеся фрагменты расплавленного и затвердевшего стекла, которые находят в Оптине.

Геер кивнул:

– Верно. Если ты хоть раз посмотрелся в это «зеркало» и встретился взглядом со своим двойником, оно тебя не забудет. Зеркалу Чигорина достаточно одного мгновения, чтобы узнать всю подноготную человека. А потом, спустя час, день или год, оно готово показать случайному прохожему все, что узнало о тебе. Как говорится – был бы зритель.

Геер замолчал и взгляделся в лицо сенатора. Лицо это по-прежнему было спокойным. Зеркала Чигорина давно известны ученым и не представляют собой ничего сверхъестественного с точки зрения квантовой физики. Года три назад зеркалами Чигорина заинтересовались «наверху». Спецорганы решили использовать их как своеобразные детекторы лжи. Однако вскоре после начала экспериментов выяснилось, что а) зеркала реагируют не на каждого человека, б) прочесть накопившуюся информацию в полном объеме могут только медиумы. А верить медиумам на слово в высших эшелонах власти не принято.

Однако иногда медиуму удавалось не только пересказать словами открывшуюся ему информацию, но и слегка изменить структуру зеркального «накопителя», и тогда зеркало Чигорина начинало транслировать накопившуюся информацию в виде доступного всем людям видео– и аудиоряда.

Осколок зеркала Чигорина, который Геер подобрал в районе Сухаревской площади, оказался восприимчивым к его вибрациям. Когда Геер увидел в обломке зеркала сенатора Стокманна, он поначалу растерялся, и лишь спустя пару минут, после того как несколько весьма выразительных и специфичных сцен пробежали у Геера перед глазами, он заставил свои мысли работать в нужном направлении.

Теперь драгоценный осколок лежал у медиума в кармане, и с его помощью Геер собирался получить что-то вроде выходного пособия, перед тем как навсегда завязать с походами в Оптину и выйти на заслуженный отдых.

– Я хотел поговорить с вами о вашем друге и помощнике Логинове, с которым вы вместе начинали свою карьеру, – сказал Геер.

И на этот раз в лице сенатора не дрогнул ни один мускул.

– Логинов давно умер, – произнес он обыденным голосом.

– Погиб, вы хотели сказать?

– Нет, умер. Он был найден в своей постели.

Геер кивнул:

– Да, я помню фотографию в газете. Губы накрашены, из одежды – одни стринги.

– Не имеет значения, как он выглядел, – перебил Геера сенатор Стокманн. – Он был хорошим человеком. И умер он от естественных причин.

– Точно, – согласился Геер. – Если считать, что проволоку он подвязал на шею вместо галстука и не рассчитал сил, когда завязывал узел.

Несколько секунд оба, хозяин кабинета и его гость, молчали, разглядывая друг друга. Потом сенатор холодно осведомился:

– Для чего вы мне об этом говорите?

Геер улыбнулся и вежливо произнес:

– У меня есть кое-что, способное пролить свет на обстоятельства гибели вашего помощника.

– Что именно?

– Осколок зеркала Чигорина.

– Осколок?

– Да, осколок. Изобличающий убийцу.

Сенатор нахмурился и посмотрел на карман длинной куртки Геера, больше похожей на многокарманный плащ. Медиум усмехнулся и сказал:

– Предположив, что этот осколок может быть дорог вам как память, я предпочел не носить его с собой, а оставить в надежном месте.

– И куда же вы с ними пойдете? – спокойно поинтересовался сенатор Стокманн. – К контролерам?

– Может быть. Но сначала я навещу одного своего приятеля. Хороший человек, работает журналистом в известном издании. Правда, немного странный. – Геер поднял руку и тихонько постучал себе пальцем по виску. – Коллекционирует приватную информацию, снятую с носителей. Причем с чужих. Представляете? Кто-то собирает марки, кто-то открытки, кто-то пивные бутылки, а этот чудак – информацию. В принципе его можно понять. Работа у парня нервная, постоянно сталкивается с психически неуравновешенными людьми. Да еще и вынужден подолгу с ними беседовать. Тут поневоле свихнешься.

Несколько секунд Стокманн молчал, разглядывая гостя своими подведенными, неприятными глазами, потом усмехнулся уголками губ и сказал:

– Ладно, медиум. Назовите цену за осколок зеркала, и покончим с этим. У меня еще куча дел.

Геер едва удержался от вздоха облегчения. Все оказалось гораздо проще, чем он предполагал. И тут правая рука сенатора скользнула под стол.

Геер быстро перегнулся и схватил Стокманна за запястье как раз в тот момент, когда тот вытягивал из ящика стола баллончик с нейротоксином. Сенатор резко наклонился вперед и впился зубами Гееру в руку. Зубы были острые, как осколки фарфоровой вазы, да и сделаны были, скорее всего, из того же материала.

Геер обхватил свободной рукой щеку сенатора и надавил большим пальцем на его аккуратно подкрашенный и многое на своем веку повидавший глаз. Сенатор разжал зубы. Для верности Геер разок двинул ему кулаком в челюсть, и тот окончательно обмяк в своем кресле.

Геер вытащил из его пальцев баллончик и швырнул в мусорную корзину, стоявшую в углу. Потом подошел к маленькому холодильнику, достал из него бутылку воды, отвинтил крышку и набрал полный рот холодной, колючей жидкости. Потом подошел к сенатору, приподнял ему голову и выпустил в тонкое, аристократическое лицо Стокманна целый фонтан сверкающих брызг. Остатки воды Геер вылил сенатору на голову.

Веки сенатора вздрогнули, и он медленно открыл глаза. Слегка пошевелил белками, наводя зрачки на резкость, и вдруг увидел Геера. Щеки Стокманна задергались, руки затряслись. Сенатор набрал полную грудь воздуха, чтобы крикнуть погромче, но Геер успел зажать ему рот ладонью.

– Тише, сенатор, – сказал он. – Шумиха не нужна ни мне, ни вам. Я уберу ладонь, но обещайте не кричать. Договорились?

Стокманн кивнул, и Геер убрал руку.

– Мне надо выпить, – угрюмо промолвил сенатор.

Геер взял со стеллажа бутылку дорогого коньяка пятидесятилетней выдержки, свинтил крышку и плеснул немного в стакан. Протянул сенатору. Тот жадно отхлебнул и закашлялся. Пока он кашлял, Геер достал из пачки сигарету и закурил.

Видок у Стокманна был жалкий: волосы взъерошенные и мокрые, глаза красные, тушь, которой он подкрашивал глаза, потекла, сделав его похожим на пожилого Пьеро, которого вышибли из кукольного театра без выходного пособия.

– Думаете, что победили? – вдруг изрек сенатор, и от его громкого, насмешливого голоса Геер вздрогнул. – Вы совершили большую ошибку, медиум. Сегодня – ваш последний день.

Под ложечкой у Геера неприятно засосало. И тут же две высокие фигуры, одетые в белые одежды, вышли из стен – прямо из стен, черт бы их побрал, словно стены были сотканы из плотного тумана! Еще не разглядев лица двух гостей, появившихся столь внезапно и столь некстати, Геер понял, с кем ему теперь придется иметь дело. Это были эволюиды.

Эволюиды, выглядевшие совершенно как люди, но повыше ростом и потоньше в кости, остановились у стены, через которую только что прошли, и уставились на Геера. Один из них был темнокожим, с длинными черными волосами, второй – рыжим, с блеклыми глазами и апатичным лицом. Геер попятился, глядя на «сверхлюдей» исподлобья. Попытался было прошупать их ауры, но не смог. Он просто не видел никаких аур, словно перед ним были не живые существа, а мраморные статуи.

В широких глазах эволюидов застыло выражение неземного спокойствия, а в линиях губ чувствовалось едва ощутимое презрение. Стоило ли удивляться – эти двое снизошли с Олимпа, чтобы пообщаться с двуногими обезьянами.

– Слава богу! – выдохнул Стокманн. – Слава богу, вы пришли! Если бы не вы, этот негодяй...

– Зачем вы нас вызвали, сенатор? – оборвал поток слов один из эволюидов, и Геер удивился холодноватым и впрямь неземным модуляциям его голоса.

– Этот медиум пришел сюда, чтобы шантажировать меня! – выпалил Стокманн, яростно сверкая глазами.

Эволюиды вновь посмотрели на Геера. В глазах их не было ни интереса, ни раздражения, ни досады – ничего. Представители высшей расы, что с них возьмешь. Темнокожий эволюид протянул руку и сказал, обращаясь к Гееру:

– Отдай нам зеркало, человек.

Геер достал из внутреннего кармана плаща осколок зеркала и положил его на большую, узкую ладонь эволюида. Эволюид сжал пальцы, зеркало хрустнуло и превратилось в серебристую пыль. Эволюид разжал ладонь и дунул на горстку пыли. Та взмыла в воздух серебристым облачком и, сверкая, как новогоднее конфетти в старых кинофильмах, опустилась на пол.

Второй эволюид, до сих пор стоявший молча и более суровый на вид, разомкнул узкие губы и отчеканил:

– Медиум Геер, за свое преступление ты подлежишь ликвидации. Приговор будет приведен в исполнение здесь и сейчас.

Сенатор Стокманн вытер ладонью губы и, прожигая Геера ненавидящим взглядом, произнес:

– Стены офиса заэкранированы, медиум, поэтому не пытайтесь применять свои особые способности. Это не поможет.

Заэкранированы! Так вот почему Геер не предугадал опасность и не смог принять меры по ее устранению. Однако кое-что он мог сделать даже с заэкранированными стенами.

– Смиритесь, – добавил сенатор с усмешкой. – Вы попались и не сможете сбежать.

– И все же я попробую.

Геер вскинул руки, быстро уловил ладонями два поля с разнородными вибрациями и закрыл глаза, чтобы не обжечь глазные яблоки.

Но даже сквозь прикрытые веки медиум увидел, как рыжеволосый эволюид ринулся на него. Геер швырнул в него сгусток энергии. Силовая волна, ударив эволюида в грудь, не сбила его с ног, а лишь протащила пару шагов по паркетному полу. Геер открыл глаза и увидел, что эволюид растерянно остановился. Зато второй эволюид вскинул правую руку, и Геер увидел на конце этой руки не человеческую кисть, а длинную светящуюся плеть. Однако стоило сверхчеловеку ринуться в бой, как плеть эта втянулась, сияние ее померкло, и она снова превратилась в руку.

Эволюид на секунду остановился, и на бесстрастном лице его отразилась растерянность. Он пытался сообразить, что же произошло.

Геер сообразил на мгновение раньше. Стены офиса были заэкранированы, поэтому сверхспособности эволюидов здесь купировались. Слегка воодушевившись, Геер прыгнул на эволюида. Тот был на голову выше его и гораздо шире в плечах, но Гееру удалось застать его

врасплох и сбить с ног. Он выхватил из кармана кожаной куртки гарроту и накинул ее эволюиду на шею. Однако сверхчеловек успел просунуть под удавку пальцы и закричал:

– Сенатор, экран! Выключите экран!

Стокманн ринулся к шкафу. Краем глаза Геер увидел, как сенатор распахнул дверцу шкафа и ткнул пальцем в красную кнопку. И тут способности вернулись к Гееру. Жуткие, безобразные мысли и образы, теснящиеся в голове сенатора, нахлынули на него, как цунами, и едва не взорвали ему мозг. Вереница прежних воплощений Стокманна, одно безобразнее другого, рассыпалась у него перед глазами, словно колода карт с нечетко намалеванными картинками.

Тут что-то негромко щелкнуло, и Геер отлетел к стене. Это эволюид одним движением пальца срезал с шеи гарроту. Отбросив веревку, он вскочил на ноги и повернулся к Гееру. Медиум увидел, что руки эволюида вновь превратились в огненные плети.

Он тоже поднялся на ноги и попробовал проскользнуть к двери, но второй эволюид преградил ему путь к отступлению.

– Не дури, Геер, – проговорил за спиной у медиума сенатор Стокманн. – Тебе не уйти.

Геер быстро оценил свои шансы на спасение. Их почти не было.

И тут дверь распахнулась, и в офис впорхнула молодая девушка с таким же узким и художавым лицом, как у сенатора, с таким же вороненым оттенком волос и с такими же чувственными губами. Стройное тело девушки было затянуто в серую водолазку и серые узкие джинсы, на поясе висел антикварный мобильный телефон Nokia 6300, усыпанный бриллиантами, а ее длинные пальцы были унизаны кольцами.

– Папа, что здесь проис...

Геер и «огненнорукий» эволюид перехватили взгляды друг друга и одновременно бросились к девушке. Геер опередил эволюида всего на долю секунды. Схватив дочку сенатора за руку, он резко развернул девушку спиной к себе и накрыл ладонью ее раскрытый в вопле рот.

– Дайте мне уйти! – крикнул он. – Или я сверну девчонке шею!

На этот раз путь ему преградил сам сенатор. Глаза его выцвели от злобы, губы тряслись.

– Ты не сможешь уйти, медиум, – по-змеиному прошипел он, и Геер увидел одну из его прежних реинкарнаций – укротителя змей из Древнего Египта, которого ужалила в руку белая кобра.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.